

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В СТРАНАХ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР И ДИСКУССИЯ О МАСШТАБАХ

А. С. Ходунов

В статье производится анализ имеющихся данных о военных преступлениях над гражданскими лицами в государствах бывшей Югославии в XX – начале XXI вв. Эта тема является одной из самых сложных, болезненных и противоречивых в истории южных славян. Историография разных южнославянских народов дает совершенно разные, подчас противоположные оценки жертв межнациональных и межгосударственных конфликтов и войн. В случаях очень серьезных расхождений между данными разных сторон конфликта была предпринята попытка определить, какие из этих оценок наиболее приближены к истине, опираясь на документы, отчеты международных организаций, а также демографическую динамику рассматриваемых народов. Балканский регион, особенно бывшая Югославия, в XX веке отличался огромным потенциалом напряженности и особо высокой долей мирного населения, погибшего в военных конфликтах, по сравнению с остальными регионами Европы, и сравним в этом плане с Ближним Востоком. В целом, можно сказать, что народом, у которого погибло больше всего мирных жителей за рассматриваемый период, являются сербы, а на втором месте – боснийские мусульмане. Если говорить о народах с наибольшим процентом погибших мирных жителей, то речь идет о евреях и цыганах. Что касается местных армий, ответственных за истребление наибольшего количества мирного населения, то это в первую очередь войска хорватов-усташей, а также Югославская народная армия (ЮНА) и образовавшиеся на ее основе армии.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2019 598–687

Введение

Данная статья во многом представляет собой продолжение статьи одного из предыдущих выпусков «Системного мониторинга», где уже затрагивался вопрос о жертвах среди гражданских лиц в контексте межнациональных отношений в странах бывшей Югославии (см.: Ходунов 2017). Однако число погибших гражданских лиц там приводилось далеко не во всех случаях, а также не был проведен критический анализ различных оценок числа погибших. Основной целью данной статьи будет именно приведение данных по числу погибших для оценки масштаба и интенсивности того или иного конфликта (в случае если имеются сколько-нибудь достоверные данные). В наиболее спорных случаях по возможности будет проведен анализ, насколько данные разных сторон конфликта приближены к истине. Кроме того, поскольку преступления над гражданскими лицами того или иного народа на Балканах обычно сопровождалось другими нарушениями или ограничениями прав данного народа, будут подробно рассмотрены и эти нарушения, чтобы поместить о преступлениях над мирными жителями в общий контекст агрессивной политики по подавлению прав и национального чувства народов. В отдельных случаях будет проанализирована и пропаганда, направленная против разных народов. Благодаря такому анализу будут лучше видны причины, корни и истоки политики по истреблению гражданского населения. Особое внимание в статье будет уделено войнам 1990-х гг., так как для них имеются наиболее полные и качественные данные по числу жертв среди мирных жителей (в отличие, например, от балканских войн 1912–13 гг.). Кроме того, именно по вопросу характера войн 1990-х наблюдаются наибольшие расхождения между отечественной и западной историографиями (а в странах бывшей Югославии – между сербской и всеми остальными историографиями), в связи с чем имеет смысл внимательно проанализировать различные версии произошедшего.

Страны бывшей Югославии в XX веке отличались исключительно высокой долей погибших гражданских лиц по отношению к общей численности населения, а также по отношению к общему числу погибших. Это связано как с очень высоким уровнем межнациональной неприязни среди отдельных народов, так и с серьезным иностранным влиянием с целью дестабилизации региона. Смертность мирного населения в войнах обычно бывает вызвана следу-

ющими причинами: убийство (при этом убийца может непосредственно лишить жизни человека, находясь рядом с ним, а может и не видеть свою жертву, например, сбрасывая бомбы на населенные пункты с большой высоты), голод, эпидемии, для хронических больных – невозможность получить лекарства или обратиться за медицинской помощью из-за дезорганизации нормальной работы здравоохранения. Все они вызваны прежде всего намеренным нарушением международного гуманитарного права войсками конфликтующих сторон (осада населенных пунктов, разрушение жилых и общественных зданий, отвод людей по национальному или религиозному признаку из их домов и последующее их уничтожение, воспрепятствование оказанию медицинской помощи больным и раненым). В статье будет сделан акцент прежде всего на убийства, поскольку данные по ним значительно доступнее и их масштаб легче оценить, в то время как число умерших от других причин обычно крайне трудно поддается оценке (в том числе из-за прекращения статистического учета смертности, что очень часто происходит в военное время).

В целом в мире за последние три века уровень смертности от всех причин снизился в несколько раз, а продолжительность жизни увеличилась более чем вдвое. Это снижение началось в развитых странах Западной Европы в XVIII в., когда начала быстро сокращаться катастрофическая смертность, связанная с голодом, эпидемией и войнами. В настоящее время единственной причиной, вызывающей резкие подъемы смертности в странах с высокой продолжительностью жизни, остались войны (см.: Вишневский 2005). Массовая гибель участников боевых действий неизбежна, хотя и в этом плане наблюдается очень серьезный прогресс из-за постоянного улучшения качества лечения тяжело раненых. А вот убийство гражданских лиц, как и разоруженных военных (военнопленных), считается во всем мире не просто нежелательным, но и преступным, и мировое сообщество уже очень долгое время вырабатывает правила ведения войн, чтобы не допустить гибели безоружных людей. Можно очень условно сравнить смертность в войнах со смертностью вообще, которая делится на эндогенные (внутренние, неизбежные) и экзогенные (внешние, предотвратимые) причины. По этой аналогии имеет смысл упрощенно разделить убийства во время войн на неизбежные, обусловленные самой природой войны

(убийства военных) и предотвратимые, которые не должны иметь место (убийства пленных и мирного населения). Тем не менее, история показывает, что множество правительств и военачальников не просто не старается их предотвращать, а, напротив, сознательно организует ради своих политических целей массовое убийство тех или иных групп лиц, которые из-за своей слабости не могут постоять за себя, вплоть до истребления целых городов (Хиросима и Нагасаки) и отдельных народов (Холокост, геноцид армян в Османской империи, геноцид тутси в Руанде и т. д.). Тогда, если не вмешается более сильная страна или международная организация, обреченным на уничтожение людям не смогут помочь никакие достижения медицины и технологии, и их смертность может вырасти иногда в десятки раз (хотя все же из-за действия разных факторов до конца осуществить свои планы по истреблению не удалось практически никому). Итак, несмотря на колоссальный прогресс, достигнутый в росте продолжительности жизни, массовое целенаправленное убийство гражданских лиц (или же создание условий для резкого повышения у них числа смертей) все еще остается достаточно распространенной причиной, приводящей к катастрофическому подъему смертности.

Если говорить о количестве жертв среди гражданских лиц в бывшей Югославии в XX веке, то наибольшее их число было в двух мировых войнах, причем в Первой мировой войне от всех причин, включая голод и эпидемии, погибло заметно больше мирных жителей, чем во Второй мировой, а процент умерших в результате войн был беспрецедентно высоким для Европы, что серьезно подрывало нормальное социально-демографическое развитие народов. В девяностые годы жертв среди мирного населения было в несколько раз меньше (Ходунов 2006: 328–330). Эта динамика хорошо согласуется с последовательным уменьшением числа жертв конфликтов в мире в целом (Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Назаретян 2007). В девяностые годы важную роль сыграло также отсутствие вмешательства сухопутных войск иностранных государств, которое имело место в двух мировых войнах и прямо или косвенно способствовало возникновению особо большого числа жертв. Однако, во-первых, процент погибших мирных жителей среди всего населения в бывшей Югославии даже в девяностые годы оставался очень высоким на мировом фоне, а во-вторых, число

собственно убийств среди гражданских лиц снижалось гораздо медленнее, чем число умерших от голода и особенно эпидемий. В некоторых случаях, как будет показано далее, число убитых гражданских лиц даже превышало количество убитых военных и полицейских. Это говорит об очень высоком уровне межнациональной ненависти в регионе и в настоящее время.

Исключительно высокий процент пострадавшего от конфликтов мирного населения на фоне остальной Европы заставляет подробно рассмотреть причины такого уровня насилия и обстоятельства гибели мирных жителей в регионе, а также попробовать дать рекомендации по предотвращению таких эпизодов в будущем, при этом рассматривая военные преступления в широком контексте распространения идей шовинизма и национальной исключительности.

При анализе данных о числе погибших будет предпринята попытка определить, в каких случаях массовые убийства принимали характер геноцида. Геноцид, согласно словарям, это истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам, и представляет собой наиболее тяжелое преступление против человечества. Учитывая чрезвычайно большую серьезность подобных обвинений, в данной работе геноцидом будут названы только случаи, для которых научно доказано особо большое количество убитых мирных жителей (от нескольких десятков до нескольких сот тысяч). В некоторых случаях будут приведены мнения исследователей из региона, использующих термин «геноцид» и для заметно меньшего числа убийств, чтобы дать представление о восприятии тех или иных событий в сознании самих народов.

Военные преступления над гражданскими лицами в Балканских войнах и Первой мировой войне: всеобщая политика насилия над покоренными народами

К началу XX в. многие народы Балкан (греки, сербы, болгары) смогли обрести независимость и объединить значительную часть территорий своего традиционного проживания в единое государство, однако большая часть Балкан (и бывшей Югославии) все еще находилась под властью Австро-Венгрии и Османской империи.

В ходе Балканских войн (1912–13 гг.) и Первой мировой войны (1914–18 гг.) эти две империи были окончательно вытеснены с Балкан, и политическая география полуострова была радикально изменена. Однако эти войны помимо освобождения принесли народам региона и бесчисленные жертвы, значительную часть из которых составило мирное население. Кроме того, по итогам войн далеко не все народы оказались в своих «титულных» государствах: некоторые из них вошли в состав других государств, чьи власти, как правило, отказывались дать им равноправный статус с народом-большинством: они зачастую испытывали серьезное угнетение и нарушение своих элементарных прав, а в каких-то случаях – даже пережили массовое истребление.

Имеет смысл остановиться более подробно на этих войнах и наиболее серьезных эпизодах массовых преступлений. Первая балканская война (октябрь 1912 – май 1913 гг.) завершилась полным разгромом Османской Империи болгарской, греческой, сербской и черногорской армиями. Однако доставшиеся союзникам территории не были распределены справедливо. Так, Сербия, вернув свои вековые территории, которые в Средние Века были ядром сербской государственности – Санджак (Рашскую область) и Косово, при этом захватила исторически важнейшую землю для болгар – Вардарскую Македонию. Заметная часть исторической Македонии, населенная в то время в значительной степени болгарскими (Эгейская Македония или Западная Фракия), оказалась под контролем греков. Попытка Болгарии получить контроль над этими землями привела к началу Второй балканской войны (июль 1913 г.), в которой эта страна потерпела крах и даже потеряла часть отвоеванных в Первой балканской войне земель. Нужно иметь в виду, что и в Косово и Санджаке значительную (если не большую) часть населения к тому времени составляли несербские народы – соответственно, албанцы и боснийские мусульмане. Болгары в ходе войны заняли некоторые территории с турецким большинством. Таким образом, в состав балканских государств вошли земли, населенные многочисленными национальными и религиозными меньшинствами. Однако эти страны в большинстве случаев не захотели обеспечить им достойную жизнь. Наоборот, уже на самом этапе военных действий против будущих национальных меньшинств произошли преступления, имевшие массовый, неконтролируемый характер.

Масштаб преступлений был настолько велик, что для их расследования и для рассмотрения поведения солдат и офицеров воюющих сторон была создана Специальная международная комиссия, которая посетила регион в августе-сентябре 1913 г. Комиссией были установлены повсеместные, массовые нарушения прав человека (изгнания, уничтожение имущества, грабежи, изнасилования, убийства), совершенные всеми войсками, хотя болгарская армия все же выделялась в лучшую сторону, совершив заметно меньше преступлений. В некоторых случаях убийства приняли характер полномасштабного геноцида. Прежде всего, речь идет о геноциде над болгарскими Восточной Фракии, которую в июле 1913 г. заняла Османская империя. Турецкими войсками, арабской и курдской кавалерией и полувоенными отрядами за несколько месяцев было убито 16 тыс., а изгнано оттуда более 300 тыс. болгар, в результате чего эта весьма богатая область осталась практически без болгарского населения. Из своих родных мест бежали 200 тыс. турок (из Болгарии и Греции), а также 135 тыс. болгар с территорий, занятых греками (Carnegie... 1914). Очень серьезно пострадали и албанцы. По сообщениям руководителя Сербской социал-демократической партии Димитрие Туцовича, в занятых сербскими войсками районах Косово были убиты сотни женщин и детей и сожжено множество сел. Впоследствии убийства совершались и в районах Северной Албании¹ (Vickers 2001). Вообще, балканские мусульмане стали одними из самых больших жертв этих войн: многие солдаты православных государств воспринимали местных мусульман как врагов, виноватых в их многовековом угнетении. В результате до 80 % мусульманских деревень оказалось полностью и частично сожжено (Stojanović 2009). Что касается других эпизодов массовых преступлений, то необходимо упомянуть о судьбе македонских болгар. Несмотря на единство религии с сербами и греками, они подвергались массовым изгнаниям и даже убийствам со стороны сербских и греческих войск. Сербские и греческие власти стали проводить политику насильственной ассимиляции болгар, запретив им иметь свои школы, книги, изгнав Болгарскую церковь, – иными

¹ Впрочем, здесь необходимо сказать, что в конце XIX века в Косово наблюдалось массовое насилие со стороны радикальной части албанцев, направленное против сербов, в результате чего с 1876 по 1912 гг. край покинули более 150 тыс. сербов, а на их место переселились албанцы (Видовдан 2018a). Данные события положили начало процессу массового исхода сербов из Косово и радикального изменения демографической ситуации в пользу албанцев.

словами, полностью лишив болгар возможности сохранять свою культуру и идентичность. Seriously пострадала болгарская элита – учителя, священники, торговцы. Важным эпизодом военных преступлений было разрушение сербскими отрядами значительной части важнейших болгарских культурных центров того времени: городов Охрид и Дебар. Что касается масштабов убийств в сербской части Македонии, то Комиссия перечисляет случаи около 1 тыс. убийств безоружного населения (из них 500 – турок и албанцев). Точное число жертв, по всей видимости, установить невозможно (Carnegie... 1914). В болгарских работах существуют данные о 2,2 тыс. убитых мирных жителей, известных поименно. Там же приводятся данные о реальных симпатиях значительной части македонцев. На стороне Болгарии в Первой мировой войне воевало около 70 тыс. добровольцев из Македонии, в том числе 755 офицеров, что представляет собой огромную цифру для 600-тысячного народа; эти добровольцы побеждали не только сербов, но и многочисленных и несравнимо лучше вооруженных французов (Църнушанов 1992).

Говоря о Первой мировой войне, надо сказать, что основной удар приняла на себя Сербия. Ее потери по официальным (возможно, несколько завышенным) данным составили 1247 тыс. человек – 28 % от населения, в том числе 402 тыс. военных и целых 845 тыс. гражданских лиц, причем 360 тыс. из них умерли от эпидемий, 180 тыс. – от голода, а 140 тыс. – при переходе через албанские горы и возвращении обратно в Сербию. Австрийские и немецкие войска, несмотря на отчаянное сопротивление и героическую оборону сербских городов, в октябре 1915 г. заняли основную часть сербской территории и установили на завоеванных сербских землях репрессивный режим, включавший в себя депортации. По оценкам, всего в Австро-Венгрию, Германию и примкнувшую к ним Болгарию было отправлено 182 тыс. граждан Сербии, из которых 80 тыс. умерло от плохих условий труда. В самой Сербии было убито 70 тыс. мирных жителей (Radivojević, Penev 2014). Основная часть погибших, очевидно, была вызвана действиями немецко-язычных государств, а их масштабы таковы, что можно говорить о геноциде над сербами. Некоторая часть мирного населения была убита хорватскими отрядами австро-венгерской армии в регионе Мачва – запад Центральной Сербии (Миладиновић 2018).

Отдельно стоит рассмотреть действия болгарских войск. Болгария вступила в войну в октябре 1915 г., после окончательного разгрома сербских войск немцами, и завоевала Македонию, а также юго-восточную Сербию. Сербские историки приводят цифры как минимум 20 тыс. убитых сербов – гражданских лиц. Действия болгарской армии рассматриваются в сербских работах как целенаправленный, тщательно организованный геноцид, направленный на полное уничтожение сербского населения. Особо подчеркивается, что болгары стремились истребить сербскую научную и культурную элиту: так, было целенаправленно убито 3 тыс. ее представителей (Туровић 2016).

Здесь встает вопрос о причинах, почему болгарская армия, которая совершила меньше всего организованных преступлений в Балканских войнах, за такой короткий срок так резко изменила свое поведение, что, если верить сербским данным, оказалась виновной в жестоком геноциде. Однако некоторые источники ставят под сомнение масштаб совершенных болгарскими преступлений. Существуют достаточно неожиданные данные, которые приводит болгарский академик Димитр Мишев в защиту своего государства и народа, причем он опирается в том числе и на сербские источники. По его словам, сербский премьер Никола Пашич с целью очернить болгар перед мировым сообществом потратил огромные деньги на распространение информации о якобы чудовищных болгарских преступлениях, которая в огромной своей части является клеветой и ничем не подтверждена. Он утверждает, что болгарские преступления представляли собой отдельные инциденты, совершенные некоторыми офицерами и чиновниками, и не носили организованный и спланированный характер, а болгарский народ сразу же потребовал наказания преступников. В то же время, в 1917 г. имел место беспрецедентный случай: по приказу «Черной руки»² сербскими бандами на контролируемой болгарскими территории были совершены убийства нескольких тысяч сербов, включая женщин, стариков и детей, чтобы заставить сербов подняться на восстание против Болгарии. В качестве доказательства такого почти невероятного утверждения Д. Мишев приложил письма главарей

² Тайная сербская организация, состоявшая из элитных сербских офицеров, которая в 1903 г. осуществила переворот, убила правящую королевскую чету из династии Обреновичей и захватила фактическую власть в стране.

сербских банд, в которых те не только признавали свои убийства мирного сербского населения, но и перечисляли имена жертв. Он писал и о страданиях болгарских пленных в Сербии и Греции, которые не получали никакой одежды и медицинской помощи и тысячами умирали от болезней, в то время как в болгарских лагерях для пленных сербы жили в нормальных условиях, что отмечала посетившая Болгарию весной 1917 г. Международная комиссия Красного Креста (Биярски 2012).

Хотя Д. Мишев, как представляется, все же заметно преуменьшает масштабы преступлений, сводя их лишь к отдельным инцидентам, но все-таки говорить о каком-то особо зверском геноциде болгар тоже неправильно. Ведь три сербских округа, оккупированные болгарскими (Нишский, Пиротский и Топлицкий, где, по утверждению сербских ученых, произошел наиболее тяжелый геноцид), по проценту совокупных демографических потерь (разница между ожидаемой численностью населения при довоенном приросте и реальной численностью после войны) занимают вовсе не первые места (как ожидалось бы), а три последних места (если не считать Белград) среди 17 регионов Центральной Сербии. Еще в четырех оккупированных округах демографические потери (25,6–29,2 %) находятся на том же уровне, что и в среднем по Центральной Сербии – 28,2 % (Врућинић 2007: 151).

Все же есть и болгарские работы, признающие массовый и систематический характер убийства сербского населения в захваченных болгарскими войсками районах, однако и они ставят под сомнение сербские данные о числе погибших. Массовые преступления против сербов (включая отдельные категории сербской элиты, например, убийство 40 священников только в одном округе Вранье) действительно произошли и были организованы частью высшего болгарского офицерства, на что обратили внимание и австро-венгерские офицеры, но они были сильно преувеличены сербской пропагандой с целью получить как можно большую контрибуцию от болгар. К тому же, согласно всем достоверным источникам, через несколько месяцев оккупационный режим значительно смягчился (в том числе, по настоянию болгарских гражданских властей), и массовым убийствам был положен конец (Вълков 2016). Для установления истинного числа убитых сербов (как рядового населения, так и элиты) нужны дополнительные исследования. Од-

нако очевидно, что многие представители болгарских военных властей проводили к сербскому населению (по крайней мере, в первые месяцы после завоевания юга Сербии) ровно ту же самую политику грубой ассимиляции, что и сербские власти, не гнушаясь применять при этом террор и насилие не только против рядового населения, но и культурной элиты сербов (правда не в таких масштабах, как утверждала сербская сторона). Поэтому неправильно идеализировать Болгарию и представлять ее в качестве полностью невиновной стороны конфликта, как делается в некоторых болгарских работах, отрицающих все факты массовых репрессий над сербами (Гочев 2011). Возможно, болгарские генералы руководствовались желанием отомстить сербам за подобные меры против македонских болгар. Однако мстить другой стороне конфликта путем организации против нее идентичных преступлений недопустимо по фундаментальным гуманитарным причинам: мирные жители, не имеющие никакого отношения к преступлениям, не должны страдать из-за политики своего государства.

После войны возобновились массовые убийства болгар в Вардарской Македонии, продолжавшиеся на протяжении 1920–30-х гг. В край были введены до 50 тыс. солдат и полицейских, многие из которых безнаказанно грабили и убивали местных жителей. По данным французского политика и дипломата Анри Поззи, который был в Македонии в начале 1930-х гг., в крае регулярно происходили ликвидации, а югославская администрация не делала ничего, чтобы их остановить. В некоторых случаях высшие чиновники (в частности, Жика Лазич) лично организовывали террор над беззащитными болгарскими (Pozzi 1994).

В целом, говоря о политике сербских властей по отношению к македонским болгарам с 1912 по 1941 гг., можно сказать, что она не ставила целью полное физическое истребление болгарского меньшинства (что было бы ярким признаком геноцида), а прежде всего – его как можно более быструю ассимиляцию в сербов. На это были направлены и школьное обучение, и культурная и религиозная политика. Вместе с тем, была создана такая атмосфера, что населению было опасно называть себя болгарскими, а все культурные памятники болгар (книги, библиотеки, архивы, церковная утварь) были уничтожены или разграблены (см.: Църнушанов 1992). Десятки если не сотни тысяч болгар были вынуждены покинуть пре-

дела Македонии. В сербской печати постоянно встречались обвинения против болгар. В создании атмосферы ненависти к болгарам участвовали и некоторые интеллектуалы. Болгары были объявлены главными врагами сербов (опаснее, чем албанцы), а об их поведении и национальном характере писали в крайне негативном ключе, переходя на откровенные оскорбления. Так, утверждалось, что «ни один народ на свете не может так ненавидеть других, как это делают болгары», что они – «жестокий, дикий и кровожадный народ», чьи «зверства напоминают доисторические», что Болгария всегда хотела завоевать как можно больше сербских земель и при этом беспощадным террором уничтожить там все, что имеет отношение к сербской культуре и идентичности (Milosavljević 2002: 239–247). Сербские банды и полицейские получили полную свободу уничтожать болгарское население, не неся никакого наказания. Число убитых македонцев-гражданских лиц в 1918–41 гг. неизвестно, хотя, учитывая тяжелейший для населения режим, речь может идти о тысячах. При этом надо учитывать, что далеко не все македонцы имели болгарское самосознание (среди неграмотных крестьян очень значительная часть его не имела), а острие террора было направлено прежде всего против людей с болгарскими чувствами. То есть, если взять только людей с выраженной болгарской идентичностью, то среди них процент убитых будет намного большим. Чтобы получить точную цифру масштаба репрессий в Македонии, необходимы тщательные дополнительные исследования.

Если бы сербская власть действительно хотела истребить как можно больше македонцев и проводила бы соответствующую политику, то число жертв было бы в несколько раз больше. Сербская администрация все же была заинтересована, чтобы основная масса македонцев осталась в живых и продолжала жить в своих деревнях и городах, никуда не переселяясь (но при этом изменила бы свою национальность). Но все-таки эта администрация явным образом создала атмосферу абсолютной безнаказанности для преступников, способствуя тем самым массовому убийству болгар. Систематическое лишение македонцев элементарных прав человека и сильнейшее давление на их болгарские чувства вплоть до массовых убийств гражданского населения в течение почти 30 лет привело к тому, что болгарская идентичность в Македонии оказалась серьезно поколеблена. Однако события 1940-х гг., о которых речь пойдет

ниже, показали, что в области еще оставалось достаточно много активных болгар.

Террор сербской администрации против болгар в Македонии вызвал ответную волну террора со стороны радикальной македонской организации ВМРО (Внутренняя македонская революционная организация), которая убивала сербских чиновников и полицейских, а иногда и сербских поселенцев. Наиболее громким убийством, совершенным членами ВМРО (в сотрудничестве с усташами – хорватской радикальной организацией), было убийство югославского короля Александра I Карагеоргиевича в Марселе в 1934 г. Его ВМРО обвиняла в геноциде болгар (Poulton 1995). Но, по данным сербских ученых, характерной чертой политики этого короля была благосклонность к национальным меньшинствам – в первую очередь, к хорватам и словенцам. Сербские историки считают, что он стремился снизить политическое напряжение и сербско-хорватское противостояние. Вообще, в королевской Югославии, несмотря на эпизодические репрессии, многие меньшинства имели определенные культурные и политические права: существовали влиятельные хорватские, словенские и немецкие национальные партии и многочисленная пресса, Загребский университет пользовался большой автономией, хорватские и словенские (бывшие австро-венгерские) офицеры были приняты в новую Югославскую армию на равных условиях (Бајагић, Стојановић 2014). Римско-Католическая Церковь пользовалась в королевской Югославии широким объемом свобод, что отмечали сами католические священники и политические деятели. Существовали многочисленные католические издания, школы, колледжи, больницы, католические организации (Paris 1961: 13). Хорватские историки, правда, справедливо отмечают, что Хорватия была сразу же после присоединения лишена статуса автономии, которой пользовалась веками, а ее национальный парламент был распущен, что вызвало недовольство хорватской интеллигенции, хотя и признают, что при отказе от присоединения к Югославии территория с хорватским большинством скорее всего была бы разделена между Италией, Сербией и другими соседними государствами (Глас Српске 2018). В стране действительно ощущалось доминирование сербской элиты. Так, 69 % министров, назначенных в 1919–38 гг., составляли сербы, а после убийства самого влиятельного хорватского политика Степа-

на Радича в 1928 г. на несколько лет был распущен парламент и введена диктатура. Однако интересно, что в социально-экономическом плане хорватские и словенские территории в то время развивались гораздо быстрее сербских (Sandache 2016). Несмотря на многочисленные жалобы словенских и особенно хорватских политиков и клерикалов об угнетенном положении их народов и ограблении Хорватии и Словении, статистика показывала значительно более быстрое развитие промышленности в этих регионах, как и достаточно высокую долю этих народов на некоторых престижных должностях. В Хорватии и Словении в 1918–38 гг. было создано 47 % от всех производственных мощностей при 28 % населения. Хорваты в начале 1930-х гг. составляли 28 % судей и 30 % высших чиновников при 23 % населения (Вуковић 2005).

По всей видимости, король Александр верил в ошибочную теорию сербского происхождения основной массы македонцев и поэтому сохранял запрет на все болгарские элементы, при этом не имея представления о масштабах террора в этой области. Остальные народы бывшей Югославии, по всей вероятности, не подвергались террору со стороны сербской администрации, а некоторые (прежде всего, словенцы и хорваты) даже значительно улучшили свое социально-экономическое положение, хотя права определенных национальных меньшинств в некоторых случаях серьезно нарушались.

Военные преступления над гражданскими лицами во Второй мировой войне и непосредственно после нее: бесчеловечный геноцид и бесконтрольная месть за него

Вторая мировая война стала временем особо катастрофического размаха непосредственных убийств гражданского населения на Балканах. При этом, основными жертвами среди гражданских лиц, как и в Первую мировую войну, стали сербы. Однако на этот раз наибольшее количество жертв сербский народ понес не от иностранных (немецких) войск, а от войск соседнего (и весьма близкого ему по происхождению, языку и обычаям) народа – хорватов. Еще во время сражений войск нацистской Германии с югославской армией, 10 апреля 1941 г., в Загребе лидерами усташей было создано марионеточное профашистское государство под названием «Не-

зависимое государство Хорватия» (НГХ). Хорватские солдаты и офицеры массово дезертировали из югославской армии и вливались в отряды, созданные НГХ. Только что появившееся государство сразу же стало верным союзником Третьего Рейха, установило тоталитарную диктатуру и полностью копировало его политику по истреблению меньшинств. В случае НГХ власти избрали в качестве «неполноценных» народов не только евреев и цыган (по образцу нацистов), но в первую очередь – сербов, хотя последние, как и хорваты, являлись южными славянами. Перед этим сербов заставили сдать все оружие центральному правительству, и они остались безоружными и беззащитными. Для истребления этих трех народов была создана сеть концлагерей, и уже в первые дни существования НГХ начались их аресты и ликвидации. Комендант лагерей, Веко-слав «Макс» Лубурич, награждал особо отличившихся убийц. Очень большой процент жертв был убит за пределами лагерей – в полях, в глубоких горных расселинах (в одних только горах Велебит были сброшены в овраги десятки тысяч сербов), в своих домах, в помещениях, отведенных для убийства. Андрия Артукович, министр иностранных дел, приказал сербам и евреям в Загребе покинуть свои дома в течение 48 часов, после чего они были ликвидированы на месте или отправлены в концлагерь. По приказу Артуковича 4,5 тыс. сербов были убиты в его родном округе Любушки. Часто усташа окружали сербские деревни и убивали всех жителей, о чем оставили записи немцы. Особо жестокие убийства совершал «Черный легион» над сербами в Восточной Боснии. Также усташа стремились уничтожить Православную церковь: 289 церквей и монастырей были разрушены и сожжены, были убиты 182 священника и 3 епископа. Десятки тысяч сербов были насильственно пере-крещены в католичество. Также известны поименно 47 убитых раввинов и певчих в синагогах. Помимо убийств, было совершено множество ограблений (например, были ограблены все богатые городские евреи), а на оставшихся в живых накладывалось множество унижительных ограничений в повседневной жизни. Все эти события без сомнения подпадают под определение геноцида – в действиях усташских властей очевидным образом просматривалось намерение истребить как можно больше представителей этих национальных меньшинств. При этом боснийские мусульмане, которые по своим обычаям, происхождению и диалекту в основной

массе ближе к сербам, чем к хорватам, были официально поставлены режимом в привилегированное положение и провозглашены «цветом хорватского народа» (Paris 1961).

Геноцид осуществлялся не только регулярной усташской армией, но и «дикими» усташами – стихийно сформированными на местах отрядами. Усташская идеология оправдывала геноцид, и некоторые министры, не скрывая, говорили о необходимости убить и изгнать сербов для успешного развития Хорватии. Однако у усташского государства не было ресурсов и логистических возможностей, чтобы ликвидировать всех сербов, евреев и цыган. С каждым годом все более значительные его силы отвлекались на борьбу с четниками, партизанами и итальянцами. Кроме того, положение НГХ резко осложнилось в результате массового восстания сербов, которые присоединялись к четническому и особенно партизанскому движениям, видя в этом хоть какие-то шансы выжить. Партизаны и четники (последние – иногда с помощью Италии) отвоевали значительные территории у НГХ, лишая ее возможности совершать там геноцид. В результате, столкнувшись с потерей значительной части земель и с неконтролируемым, стихийным сопротивлением, НГХ была вынуждена пойти на определенные уступки сербам. С 1942 г. сербам, лояльным НГХ, во многих случаях сохраняли жизнь. В том же году была создана Хорватская православная церковь, к которой могли присоединиться сербы. Сербам было разрешено вступать в хорватскую армию и поступать на государственную службу. Однако террор против сербов так и не прекратился (Беляков 2009).

В целом, геноцид в НГХ принял такой массовый характер, что стал для сербов крупнейшим эпизодом истребления в XX веке, а также стал крупнейшим эпизодом уничтожения мирного населения на Балканах за XX век вообще. Всего, по данным сербов, усташами было убито более 700 тыс. мирных жителей из их народа, а по данным хорватского демографа Владимира Жерявича в несколько раз меньше – до 112 тыс. сербов (Ходунов 2016: 329). Анализ этих данных будет произведен ниже, хотя очевидно, что сам факт исключительно масштабного геноцида не ставится под сомнение и серьезными хорватскими учеными, а разногласия касаются только числа убитых. Что касается хорватских евреев и цыган, то из-за их небольшой численности процент убитых у них был значительно

больше, чем у сербов. Так, существуют оценки о 57–67 тыс. евреев, убитых во Второй мировой войне на территории целой Югославии или отправленных из нее в нацистские лагеря смерти, в том числе 16–20 тыс. – из Хорватии и Срема, а 10 тыс. из Боснии и Герцеговины. Цыган было убито около 20–35 тыс., из них 15 тыс. из Хорватии. В подавляющем большинстве случаев речь идет о мирном населении (Geiger 2011). В 1948 г. во всей Югославии насчитывалось 12 тыс. евреев (данных по отдельным республикам нет [Радовановић 2015]), что означает ликвидацию подавляющего их большинства – до 85 %. Процент убитых евреев в Хорватии и Боснии мог быть еще более высоким. По переписи 1948 г., из 72,7 тыс. югославских цыган в Хорватии осталось 402, а в Боснии 442 (Savezni zavod za statistiku 1954), что говорит о почти полном уничтожении этого народа усташами.

Очень серьезные споры между сербскими и хорватскими историками вызывает личность и деятельность главы Католической церкви в Хорватии во время НГХ, загребского архиепископа Алойсие Степинаца, осужденного после войны за сотрудничество с фашистами. Если в коммунистической югославской, а также сербской историографии, преобладает мнение, что Степинац был вдохновителем геноцида над сербами и был причастен к преступлениям, то с точки зрения хорватов обвинения против него считаются фальсифицированными и даже утверждается, что он лично спасал ряд сербов и евреев (Пивоваренко 2015).

Отдельно следует сказать и о жертвах среди боснийских мусульман. Небольшая их часть восприняла идеологию хорватского национализма и сама стала участвовать в геноциде над сербами, в том числе в рядах дивизии СС «Ханджар», ответственной за многочисленные убийства, изнасилования и грабежи сербов Восточной Боснии. Несмотря на официально провозглашенную политику полной толерантности и уважения к мусульманам, а некоторые из них были назначены на важные посты (Paris 1961), фактически в НГХ в некоторых случаях проводилась политика стравливания сербов и мусульман. Для этого в те районы, где не было хорватов, отправляли войска, которые должны были убить определенное количество сербов, представляясь при этом мусульманами, чтобы вызвать гнев сербской общины, а затем покинуть район, дав возможность сербам расправиться с проживавшими там мусульма-

нами в знак возмездия за убийства. Подобный случай описывает боснийский академик Мухамед Филипович, чей отец стал жертвой усташей. В регионе Ключ, где жили тогда его родственники, среди мусульман почти никто не поддержал НГХ, и всего три человека стали активно сотрудничать с усташской властью. Туда в июне 1941 г. пришли две хорватские роты, которые поймали и расстреляли 900 наиболее выдающихся сербов. Жители Ключа пришли в ужас. Родственники М. Филиповича на свой страх и риск спасли 20 сербов, отправив их в Белград, что вывело из себя командира роты, который пригрозил, что скоро настанет очередь мусульман быть убитыми (Filipović 2018). После ухода усташей расвирепевшие сербские мужчины восстали и убили 1263 мусульман в деревнях в окрестностях г. Ключ, включая женщин и детей, которые были совершенно невиновны и никак не участвовали в убийствах и даже никоим образом не поддерживали усташей, но попались под горячую руку. Тем самым НГХ, на словах всячески поддерживая мусульман, в реальности накаляла обстановку, сознательно ставя их под удар отчаявшихся сербов. М. Филипович также сообщает, что боснийские мусульмане вовсе не чувствовали себя хорватами, но НГХ ставила целью их ассимилировать в хорватов, на что согласились некоторые мусульмане, не обладавшие достаточным самоуважением. Так, родственник его семьи, Джафер-бег Куленович стал вице-премьером НГХ и провозгласил себя хорватом. Он при этом признавал, что в правительстве НГХ «одни разбойники» (YouTube 2016).

Помимо этого свидетельства, существует множество разнообразных документов и воспоминаний, доказывающих не только сам факт геноцида усташей, но и его огромные масштабы, поэтому его невозможно отрицать. В частности, были собраны свидетельства истребления сербов, оставленные союзниками усташей, немцами и итальянцами (в том числе известными и высокопоставленными людьми), у которых не было причин симпатизировать сербам или преувеличивать преступления усташей. Из немецких источников можно узнать, что, например, Евген «Дидо» Кватерник, глава Усташской надзорной службы, специально разоружал умеренные хорватские формирования и включал в хорватскую полицию уголовных преступников, раздавая им оружие, а Анте Павелич не только не наказывал массовых убийц, но и всячески поощрял их и

продвигал по службе. Большинство хорватов, которые не были усташами, были против преступлений, ненавидели режим и сами ощущали трудности в повседневной жизни. Итальянские источники говорят о том, что армия Италии не могла безучастно смотреть, как истребляют сербское население, и поэтому взяла под свой контроль значительные территории, чтобы спасти сотни тысяч проживавших там сербов, угрожая оружием усташам, которые пытались туда проникнуть. При этом, характерной чертой немецких документов является их чисто административный характер – в них приводится простое перечисление убитых, а также выражается беспокойство, что геноцид принял такие масштабы, что нарушает планы нацистов по экономической эксплуатации региона (впрочем, были и немцы, поддерживавшие политику усташей – в частности, посол Германии Зигфрид Каше). В то время как в документах и записях итальянцев (как военных, так и гражданских лиц) присутствует сочувствие и жалость к погибшим сербам и решительное осуждение зверств (Костић 1974).

НГХ отобрала у Югославии примерно половину ее территории. В ее состав вошли Хорватия, Босния и Герцеговина, некоторые территории современной Черногории и Сербии (Срем). Остальная территория Югославии была разделена между соседними государствами. Венгрия получила сербскую область Бачка и некоторые небольшие районы Хорватии, Германия оккупировала Банат, создав там немецкую автономную область, Болгарии досталась юго-восточная Сербия и Македония, Италия включила в свой состав Черногорию, а также присоединила Косово и северо-запад Македонии к своему протекторату «Великая Албания». Центральная Сербия стала протекторатом Германии. На всех этих землях занявшие их войска совершали массовые преступления над оставшимся там сербским населением, которое только в Центральной Сербии (и то не везде) могло чувствовать себя в относительной безопасности. В целом, наименьший процент жертв среди населения (как военных, так и гражданских лиц) был в албаноязычных регионах Косово, в восточной части немецкой зоны и в Банате. Достаточно высокий процент жертв среди сербского населения был в центре и на севере немецкой зоны, в районах Суботица и Нови-Сад в венгерской зоне, а также в тех регионах Косово, где сербы составляли большинство. А вот в Среме, который достался НГХ,

процент жертв (по всей видимости, это было преимущественно мирное население) был особо высоким: 8–11 % по сравнению с 2,2 % в целом по стране (Врућинић 2007).

В отличие от Балканских войн, болгарские оккупационные отряды в этой войне проявили себя с худшей стороны. Известны случаи жестоких убийств болгарскими регулярными войсками жителей целых деревень. Так, в феврале 1942 г. болгарские солдаты сконцентрировались в районе Пуста-Река. Забыв о высокой этике своих отцов, они грабили дома, совершали многочисленные изнасилования, убивали раненых и пленных партизан. Сербские же партизаны, наоборот, отпускали болгарских пленных на свободу и просили болгар прекратить убийства, напоминая о необходимости соблюдать международное право и неизбежной ответственности за его нарушения. Вскоре по приказу полковника Христо Стоянова были безжалостно убиты несколько сот мирных жителей-сербов (преимущественно женщин, детей и стариков) и сожжены их дома в деревне Бойник, ставшей символом сербских страданий в Южной Сербии (см.: Илић 1976). Стоянов приказывал мучить и убивать югославских партизан и мирных жителей и в г. Лесковац. Болгарские войска проникли значительно дальше официально присоединенной территории Сербии, достигнув центральной ее части, где также были совершены преступления. Основной целью болгарских отрядов были те села, где значительная часть жителей поддерживала партизан-коммунистов. Однако еще во время войны, в сентябре 1944 г., болгарские офицеры-преступники были осуждены и приговорены к длительным срокам заключения или расстреляны. Кроме того, при анализе жертв среди мирного населения в болгарской оккупационной зоне (которых, по всей видимости, было несколько тысяч) надо иметь в виду, что значительная их часть была убита находившимися там немецкими войсками (Иванов 2019). В целом, доля жертв в болгарской оккупационной зоне принципиально не отличается от ее доли во всей Сербии (Врућинић 2007). И в этом смысле болгарские войска не были какими-то исключительными чудовищами, которых никогда не видел мир, как их представляла сербская пропаганда, хотя многие из них переняли фашистскую практику окружения и расстрела «непослушных» деревень вместе с безоружным населением, которая, к сожалению, наблюдалась практически во всех оккупационных зонах.

В то же время, ситуация в Македонии радикально отличалась. Там заметная часть местного населения не только не сопротивлялась болгарам, но даже добровольно вступала в болгарскую армию, а местная интеллигенция активно помогала болгарской администрации. Государственная политика в Вардарской Македонии была направлена на всестороннюю помощь местному населению (поставки значительного количества еды, одежды, обуви, создание бесплатных столовых, строительство инфраструктурных объектов) и находилась в резком контрасте с политикой сербской администрации (Леонидов 2015). Тем не менее, исключительно сильно пострадали македонские евреи: по приказу нацистов все 11 тыс. евреев были схвачены и депортированы из Вардарской и Эгейской Македонии в немецкие лагеря смерти, где все они погибли. Хотя в самой «старой» Болгарии все 50 тыс. евреев сохранили свою жизнь и остались в стране благодаря протестам Церкви и интеллигенции (Reicher *et al.* 2006).

Очень много жертв среди мирного населения в бывшей Югославии было в результате действий войск иностранных государств (нацистской Германии и, в гораздо меньшей степени, Италии). Их общее число крайне сложно оценить, но, по всей видимости, речь может идти о десятках тысяч. Среди наиболее известных эпизодов массовых расстрелов следует указать на расстрел от 2,8 до 7 тысяч мирных жителей, в том числе 270 детей в г. Крагуевац 20–21 октября 1941 г. как мести за убитых и раненых немецких солдат (Telegraf 2018).

Помимо убийств мирного населения со стороны сухопутных войск, во Второй мировой очень большой размах получили массовые убийства в результате обстрелов с воздуха. На Балканах оставили кровавый след немецкие самолеты, которые в 1941 г. разрушили Белград, уничтожив в том числе и Белградскую библиотеку с ее бесценным собранием средневековых рукописей, в результате чего погибли 17 тыс. мирных жителей (McDonald 2002: 134). Кроме этого, в течение 1943–44 гг. англо-американские самолеты осуществили бомбардировки некоторых крупных городов по всей бывшей Югославии. Прежде всего бомбили железные дороги, чтобы нарушить коммуникации немецких войск, а также сами эти войска и авиацию. Эти цели имели военное значение, однако во многих случаях серьезно пострадали и находившиеся рядом с ними гражд-

данские объекты и жилые дома, что привело к гибели сотен невинных людей. Особенную известность получила англо-американская бомбардировка г. Белград в апреле 1944 г. Всего в Белграде погибло 1,3 тыс. мирных жителей, а в других городах Сербии – 5 тыс. Белград наряду с городами Марибор и Славонски-Брод потерпел наибольший ущерб (Божанић 2018). Неизвестно, представляло ли себе англо-американское командование истинные масштабы разрушений и страданий людей в городах.

Если говорить об армиях на территории бывшей Югославии, сформированных из местного населения, то помимо усташей в НГХ, существовали две другие крупные армии: Народно-освободительная армия Югославии (партизаны) и Югославская армия на родине (четники). Первая из них оформилась в качестве коммунистического просоветского и оппозиционного официальному югославскому правительству движения, а второе представляло собой сторонников югославской монархии. Движения отличались не только по идеологии, но и по национальному составу. В армии партизан при численном преобладании сербов присутствовали представители всех основных национальностей, в том числе очень много хорватов, отказавшихся сотрудничать с НГХ, хорватом был и их лидер Йосип Броз Тито. А в армии четников подавляющее большинство составляли сербы, хотя в ней было и некоторое количество словенцев и боснийских мусульман, чувствовавших себя сербами. Подобное обстоятельство может быть связано с неприятием режима королевской Югославии среди национальных меньшинств. Основные, наиболее интенсивные и решающие битвы с немцами и усташами осуществили партизаны Тито, благодаря чему их с 1944 г. стали поддерживать западные союзники, до этого оказывавшие помощь четникам.

Серьезное отличие между партизанами и четниками было и в методах ведения военных действий, хотя здесь существуют особенно большие споры и радикальные разногласия между учеными исследователями-сторонниками четников, с одной стороны, и партизан, с другой. Сторонники четников считают, что это движение обладало особо высокой дисциплиной, никогда не сотрудничало с фашистами и не совершало полномасштабных преступлений против мирного населения, а при этом обвиняют партизан не просто в преступлениях, но и в геноциде во время и особенно после войны,

прежде всего над сербами. Как они утверждают, после освобождения Белграда в 1944 г. были ликвидированы сотни тысяч наиболее выдающихся граждан, которые были абсолютно невиновны, но мешали тоталитарной коммунистической власти в построении диктатуры (Янкович, Ристич 2005). Сторонники же партизан придерживаются прямо противоположной точки зрения, к тому же обвиняя четников в сотрудничестве с немецкими и итальянскими войсками. Так, сербский историк Милан Раданович, проработавший долгое время в архивах, утверждает, что партизаны совершили гораздо меньше преступлений, особенно над женщинами и детьми, чем четники и тем более усташи, при этом обычно не совершали преступлений из межнациональной ненависти, а масштабы послевоенных репрессий партизан сильно преувеличены. Резко отличалось и отношение к пленным – если партизаны отпускали пленных четников на свободу (о чем говорят и документы четников), а с 1944 г. разрешили четникам и усташам присоединяться к своим единицам, то четники часто расстреливали пленных партизан или передавали их немецким войскам для интернирования в лагеря. Кроме того, он указывает на случаи, когда некоторые четнические офицеры издавали приказы убивать своих же сербов (жителей деревень, которые были сторонниками партизан, в том числе женщин и детей) и даже сами принимали участие в таких убийствах. Особенно негативные воспоминания в народном сознании связаны с преступлениями воеводы Николы Калабича (Radanović 2015). Наиболее известным случаем является резня в селе Вранич неподалеку от Белграда, где отрядом четников под руководством нескольких офицеров было убито 68 мирных жителей, в основном – женщин и детей. Защитники четников пытаются приписать это преступление коммунистам, которые переоделись в униформу четников. Но представляется, что в нем виноваты все-таки действительно четники, тем более, что так считают сами потомки жертв (Čačanović 2018).

Ожесточенные споры ведутся также о роли главнокомандующего четников Дражи Михайловича в преступлениях над мирными жителями. Югославские коммунистические власти ясно показали свое отношение к нему, когда в 1946 г. осудили и расстреляли Михайловича за коллаборационизм и военные преступления. Его сторонники полагают, что суд проходил с грубыми нарушениями, а

преступления совершались прежде всего не подчинявшимся ему отрядами, которых было достаточно много в условиях хаоса и развала страны, и подчеркивают, что он был награжден Трумэнном и Де Голлем (B92 2015).

Говоря об общем числе гражданского населения, убитого четниками, существуют оценки от 10 тыс. (2 тыс. хорватов и 8 тыс. боснийских мусульман, значительная часть которых осуществлена из мести за предыдущие преступления над сербами) по данным апологета четников Милослава Самарджича (Самарцић 2013) до 47 тыс. по данным В. Жерявича, в том числе 18 тыс. хорватов и 29 тыс. боснийских мусульман (Geiger 2011). Истинное число жертв, видимо, находится где-то между этими оценками. Известно, что основные жертвы понесли боснийские мусульмане в Восточной Боснии, а также Санджаке. В частности, в феврале 1943 г. под командованием воеводы Павла Джуришича в Восточной Боснии и Санджаке было убито 8 тыс. женщин, детей и стариков, а в районе Прибой – 2,4 тыс. мирных жителей, из них 1,1 тыс. детей (Radanović 2015: 81–83). Достаточно много убитых мирных жителей было и в Хорватии – 1,7 тыс. (Geiger 2011). Существуют и некоторые свидетельства представителей союзников о преступлениях четников. Так, американский подполковник Альберт Сайц говорил о том, что видел около 70 трупов у моста в г. Вишеград. Всего, по некоторым оценкам, в городе и его окрестностях в октябре 1943 г. было убито более 500 мирных жителей, в том числе много женщин и детей, в основном мусульман, а также хорватов. Приказ о совершении преступления издал Драгиша Васильевич, командир Вишеградской бригады (Radanović 2015: 129–136).

В Центральной Сербии существовали местные коллаборационистские отряды Милана Недича (главы сербской администрации, созданной Гитлером) и Димитрия Лётича (открытого фашиста). Эти отряды, подобно немецким и болгарским войскам (а иногда вместе с ними) занимались убийством мирных жителей в тех сербских селах, где поддерживали партизан. В 1941 г. при уже упоминавшемся расстреле в Крагуеваце отряды Лётича забирали и вводили на расстрел сербских школьников. Кроме того, они активно истребляли и национальные меньшинства. В Белграде существовало несколько концлагерей для уничтожения евреев и цыган, где их убивали не только немцы, но и войска Милана Недича, а сам Бел-

град был провозглашен первым очищенным от евреев городом в 1942 г. Оценить общее число жертв формирований М. Недича и Д. Лётича не представляется возможным, но известно, что только в октябре-декабре 1941 г. формирования Недича арестовали и выдали нацистам 4 тыс. цыган, значительная часть которых была убита. Что касается евреев, только в Белграде немцы и их пособники убили 8–10 тыс., а в Воеводине – 15,5 тыс. или подавляющее большинство. Очень серьезно пострадали коммунисты, особенно в Белграде, которых убивали и отправляли в лагеря только за их политические взгляды (Radanović 2015).

Весьма много споров до сих пор вызывают и масштабы репрессий партизан-победителей над мирным населением в первые месяцы после окончания войны. Им многие историки в регионе вменяют в вину четыре крупных эпизода массовых репрессий: массовое убийство сербов на территории Сербии (участников четнического движения, членов их семей, а также видных представителей сербской финансовой, научной, творческой и культурной элиты), массовое убийство хорватов около австрийского г. Блайбург (участников движения усташей, а также членов их семей), депортация югославских немцев, сопровождавшаяся их массовыми убийствами и помещениями в концлагеря, а также убийство нескольких тысяч македонцев, участвовавших в работе болгарской администрации, и просто людей с ярким болгарским самосознанием.

Что касается массовых ликвидаций партизанами бежавших в Австрию солдат и офицеров-усташей, хорватские националисты считают их геноцидом партизан над хорватами и доводят число жертв блайбургских расстрелов до 200 тыс., включая туда и множество женщин и детей. Тем самым подчеркивается, что в коммунистической Югославии доминировали сербы, которые таким образом жестоко расправились со своими врагами-хорватами. Однако, фактически, по оценкам В. Жерявича, число жертв составляет около 54,5–65 тыс. (в том числе 45–55 тыс. хорватов и боснийских мусульман, 8 тыс. словенцев и до 2 тыс. сербов-четников). По данным Милована Джиласа, который был высокопоставленным коммунистическим функционером во время ликвидаций – 20–30 тыс. Значительная часть убитых действительно не совершала преступлений, а их убийство было осуществлено в качестве мести за геноцид усташей (McDonald 2002).

В связи с событиями Блайбурга (как и другими эпизодами партизанских репрессий) возникает вопрос о степени виновности Тито за произошедшие ликвидации. Достаточно интересный ответ на этот вопрос пытается дать хорватский историк Хрвое Класич. Он говорит, что многие европейские и американские лидеры, которые своими гражданами воспринимаются однозначно как герои и великие личности, совершили в своей жизни множество ошибок и даже преступлений. Так, Черчилль отказался в 1943 г. отправить помощь голодающим Индии, из-за чего погибло 3 млн человек, а также одобрил создание концлагерей для кенийских повстанцев, но его при этом вовсе не воспринимают как преступника. Тито, по мнению Х. Класича, тоже мог совершать ошибки и допустить преступления (включая репрессии), однако они были не такими большими, как в случае Черчилля или Рузвельта. В любом случае, их безусловно следует осудить. Однако при этом, положительный вклад Тито в антифашистское сопротивление (он руководил крупнейшим движением Сопротивления в Европе), в быстрое социально-экономическое развитие послевоенной Югославии (когда миллионы рабочих получали бесплатные квартиры, а люди получили бесплатную медицину и образование) и в установление мира и братства между югославскими народами значительно перевешивает его негативные черты (Klasić 2018).

Говоря о преступлениях партизан против мирных жителей в Сербии, следует отметить, что правительство Сербии в 2009 г. создало Государственную комиссию по тайным захоронениям, чтобы найти останки жертв партизан, убитых после 1944 г. Ей к 2015 г. удалось зарегистрировать 56,2 тыс. жертв, что на первый взгляд подтверждает тезис некоторых историков о геноциде партизан над сербским народом. Однако при внимательном анализе выяснилось, что основными пострадавшими были не сербы, а немцы – 27,8 тыс., и в меньшей степени венгры Воеводины – 6,1 тыс. Большинство немцев (21,6 тыс., среди них значительную часть составили женщины и дети) умерло в 1945–46 гг. из-за невыносимых условий в лагерях, куда их отправили, чтобы потом выселить из страны. В этом случае действительно идет речь о неоправданных массовых репрессиях. А вот число убитых сербов (над которыми, по версии противников партизан, и произошел самый суровый геноцид) составило 14,6 тыс., причем из них 7,5 тыс. составляют четники, зна-

чительная часть которых погибла в ходе военных действий (а значит, не может быть жертвой террора), а многие четники, умершие от болезней, учитываются как расстрелянные. Множество убитых партизанами совершило во время войны серьезные преступления (Radanović 2015). Тем не менее, известно о целом ряде случаев убийств активных представителей сербской политической, культурной и экономической элиты, невиновных в преступлениях (Цветковић 2016).

В случае Македонии репрессии приняли массовый характер. По болгарским данным, в ходе событий 1945–47 гг. новые власти Македонии расстреляли более 4,7 тыс. человек в Скопье и других крупных городах. Основная особенность заключалась в том, что ликвидировали прежде всего активных болгар, причем не только представителей интеллигенции, но и обычных рабочих и ремесленников с сильными болгарскими чувствами. Пострадало и множество македонских коммунистов, ничем не отличавшихся от партизан по идеологии, которые ощущали себя болгарами и отказались присоединиться к проюгославски настроенным македонцам во время войны (Гоцев 1998). То есть, ликвидации осуществлялись в основном по национальному признаку, а не только по классовому или же на основе сотрудничества с прежними властями, как в случае Сербии и Хорватии. Подтвердить или опровергнуть приведенную цифру не представляется возможным, хотя она кажется близкой к реальности. С другой стороны, и в этом случае, по всей видимости, некоторые ученые серьезно преувеличивают масштаб событий. Некоторые болгарские работы утверждают, что всего в Югославии до 1991 г. было убито 22 тыс. болгар, а приговорено к различным тюремным срокам 144 тыс. (Коларов 2015), что вызывает сомнение, учитывая большое уважение к Тито и весьма позитивное мнение о послевоенной Югославии среди большинства македонцев: 61 % македонцев считает, что распад Югославия скорее принес стране вред, и только 12 % – пользу (Gallup News 2017). Если бы на самом деле 168 тыс., или почти 20 % македонцев, оказались охвачены репрессиями, там просто не могло бы быть такой искренней симпатии к югославскому государству. Но все же факт массовых ликвидаций бесспорен, в том числе и потому, что в настоящее время в Македонии почти не осталось болгар, а до 1944 г. они составляли очень значительную часть среди интелли-

генции и просто грамотных жителей. Репрессии против македонских болгар сопровождались борьбой с болгарским влиянием в культурной жизни. Произошла очень значительная сербизация македонского языка, который искусственно отделили от болгарского, приняв для него сербский алфавит и сербское правописание. Также произошла полномасштабная фальсификация истории, когда известных македонских болгар объявляли македонцами по национальности, а некоторых из них (прежде всего, наиболее выдающегося деятеля болгарского движения Методия Кусева) и вовсе подвергли забвению. Такими методами старались заставить население навсегда забыть о болгарской идентичности и болгарском прошлом республики (Църнушанов 1991).

Таким образом, говоря о послевоенных репрессиях партизан, надо сказать, что они безусловно имели место, были достаточно массовыми, очень часто касались невинных людей, а в двух случаях – и целых народов (немцев и болгар). Но, во-первых, они наиболее активными противниками партизан преувеличиваются до невероятных размеров, когда создается впечатление, что партизаны якобы осуществили свирепый геноцид югославских народов (прежде всего, сербов и хорватов). Серьезные научные исследования показывают полную несостоятельность такого рода преувеличений и отождествления партизан, например, с усташами по жестокости, что представляется абсурдным: партизанское движение было основано на национальной солидарности и уважении к идентичности основных югославских народов, а вовсе не на ненависти к сербам или хорватам. Во-вторых, репрессии, в которых в значительной степени пострадали невинные, произошли во время или сразу после войны во всех основных странах Европы, как в социалистических (насильственное выселение немцев, сопровождавшееся их убийствами, имело место во всех государствах Восточной Европы), так и в капиталистических, а также в США (в частности, депортация японцев и алеутов, а также послевоенное преследование коммунистов). Во многих случаях они были реакцией и мстью за предшествовавшие им преступления фашистов и их пособников. В случае Югославии, по всей видимости, заметную часть таких убийств совершили радикальные националисты, только формально присоединившиеся к партизанам, а на деле сохранявшие свои радикальные взгляды и навыки. Как бы то ни было, надо отделять по-

слевоенные репрессии югославских партизан от их выдающихся заслуг в освободительной борьбе, но все же они представляют собой темную страницу в их истории, которая омрачила праздничное настроение после победы над фашизмом и привела в конечном счете к почти полному исчезновению двух очень важных народов Югославии (немцев Воеводины и македонских болгар). Не говоря уже о том, что новые власти, реализуя коммунистическую идеологию, лишили множество состоятельных людей в Югославии своего имущества.

После 1947 г. массовые репрессии по национальному признаку в Югославии уже не происходили. Наоборот, в последующие десятилетия произошло быстрое восстановление страны, радикальное повышение уровня жизни и резкое ослабление межнациональной напряженности, когда все основные народы сблизились между собой. Этому в немалой степени способствовала идеология братства и единства, утверждавшая о необходимости взаимоуважения и союза всех народов. Власти провозгласили целью экономической политики Югославии ускоренное развитие отсталых регионов, которым при довоенных правительствах, занятых внутривнутриполитической борьбой и межнациональным урегулированием, уделялось крайне мало внимания. Несмотря на очень быстрое экономическое развитие страны в целом, политика по сглаживанию регионального неравенства потерпела неудачу, в том числе из-за частого неэффективного и нецелевого расходования средств из Фонда по финансированию недостаточно развитых регионов, а также стремления руководства республик ко все большей самостоятельности. Так, ВВП на душу населения в 1947–90 гг. в среднем по Югославии вырос в 4,4 раза (что само по себе – весьма большое достижение), однако в более богатой Хорватии рост составил 5,4 раза, в отстающей Черногории – 3,4 раза, а в самом неразвитом крае Косово – всего 2 раза. Увеличение разрыва в доходах создавало ощутимое напряжение и в межнациональных отношениях (Буквич 2014).

Весьма важным изменением в массовом сознании стало то, что за преступления и геноцид ответственность возлагалась уже не на народ в целом, а только на отдельные движения этого народа (прежде всего, усташей и четников), в то время как другая часть того же народа боролась против них и освобождала страну, участвуя в партизанском движении. А поскольку представители всех наро-

дов имели свои массовые профашистские движения и в то же время массово участвовали в партизанах, то в сознании молодого поколения югославы через школьные учебники, СМИ и университетское образование закреплялось представление о равенстве всех народов и исключалась возможность идеализировать или обвинять какой-то отдельный народ в целом, что, безусловно, было весьма позитивным. Более того, в югославских учебниках старались вообще не делать акцент на этнической принадлежности военных преступников, а обвинять в развязывании войны и геноцида «буржуазию» всех народов региона в целом (Karabeg 2008).

С другой стороны, в стране были серьезно ограничены общественно-политические свободы – даже те, что были в королевской Югославии: была резко ограничена свобода прессы, упразднена многопартийность. Важным общественным процессом, сопровождавшим модернизацию, была секуляризация: произошло резкое падение роли религии в жизни общества и массовым распространением атеизма. В частности, все члены единственно разрешенной в стране Коммунистической партии должны были быть, по крайней мере официально, атеистами (Baltic 2017). А надо сказать, что для традиционалистских обществ, к которым в середине XX в. относилось хорватское и, в еще большей степени, сербское, боснийское, македонское и албанское, религия и консервативные (то есть подчеркнута антикоммунистические) идеологии играли очень большую роль. Значительная часть политиков, религиозных деятелей, ученых, творческой интеллигенции в довоенной Югославии находились на антикоммунистических позициях, что обусловило, например, массовую поддержку четников сербскими интеллектуалами и Церковью (Милићевић 2016). При новом режиме эти важные элементы национальной идентичности были ограничены, и в стране происходила длительная перестройка общественного сознания в сторону новых секулярных и социалистических ценностей. Заметная часть общества их так и не приняла и вынуждена была скрывать свои взгляды. Все эти течения неожиданно быстро вышли на поверхность и приобрели огромную популярность, когда Югославия оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе, который начался в начале в 1980-х гг., достигнув своего пика в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (Травин, Маргания 2004). В это время (1990 г.) власти дозволили многопартийность и сняли запрет

на обсуждение острых и конфликтных тем, связанных с историей межнациональных отношений и Второй мировой войны. Глубокий кризис в многонациональном государстве привел к резкому обострению казалось бы давно забытых конфликтов между отдельными народами и, главное, к радикализации национальных политических течений, что вылилось в целый ряд войн с огромными человеческими жертвами.

Военные преступления над гражданскими лицами в 1991–2001 гг.: почему на пороге XXI в. основной жертвой войн стало мирное население?

После окончания Второй мировой войны кровопролитные вооруженные конфликты в Европе больше не происходили, и европейские народы забыли, что такое война. Существенным исключением стали некоторые страны и территории бывшего СССР, но прежде всего – бывшая Югославия, где военные действия приняли исключительно интенсивный характер и сопровождались массовой гибелью гражданского населения и миллионами беженцев. Хотя югославские войны 1990-х стоят несравнимо ближе к нам по времени, чем, например, Вторая мировая война, и их свидетели и участники в своем большинстве живы и социально активны, тем не менее именно они вызывают самые большие разногласия у ученых и историков, а также рядового населения. Существуют полностью противоположные версии о событиях 1990-х. При этом, версия, принятая в среде большинства сербских историков, наиболее радикально отличается от версий всех остальных историков бывшей Югославии. Ниже будет приведена версия, считающаяся нами наиболее близкой к истине.

В 1990-х гг. на территории бывшей Югославии войны произошли в Хорватии (1991–95 гг.), Боснии и Герцеговине (1992–95 гг.) и Косово (1998–99 гг.). К этому ряду событий примыкает и македонская гражданская война, проходившая в 2001 г., которая была в какой-то степени продолжением косовской войны. Наиболее распространенной версией событий среди западных, а также среди хорватских, боснийских и албанских исследователей, с которой хорошо согласуются имеющиеся фактические данные, является то, что развал Югославии был в первую очередь спровоцирован поведением сербского лидера Слободана Милошевича, который с 1987 г.

начал сосредотачивать в своих руках всю власть, а с 1990 г. пытался перестроить Югославию так, чтобы сербы и его сторонники получили там всю полноту власти, при этом отвергая любые рациональные предложения по сохранению изначальной Югославии со стороны представителей других республик. Милошевича полностью поддержал известный сербский политик и писатель Добрица Чосич, поменявший свои взгляды с коммунистических на националистические. Кроме них, распад Югославии и образование независимой Хорватии поддерживал и хорватский политический лидер и диссидент Франьо Туджман, избранный в 1990 г. президентом Хорватии (McDonald 2002). Еще с середины 1980-х гг. Югославская народная армия начала продвигать сербских офицеров на высшие должности в ущерб представителям остальных народов (Sokolija 2017). После того как сербская власть приказала союзным республикам в мае 1990 г. сдать свое оружие в Белград, Сербия сосредоточила все оружие страны в своих руках (Nazor 2011). Все это сопровождалось разрушением экономики и ростом национализма среди всех народов страны. При этом, сербская власть, официально считавшая себя коммунистической и наследницей партизанского движения, начала активно реабилитировать движение четников в его наиболее радикальном виде, что привело к росту шовинизма. В Сербии была создана благоприятная атмосфера для роста радикально-националистических партий и движений (таких, как Сербская радикальная партия) и началась государственная пропаганда, направленная против других народов (особенно хорватов), которых представляли как виновников всех бед сербского народа, а сами сербы изображались как невинные жертвы множества постоянных геноцидов, которые, как утверждалось, могут повториться и в будущем. Начало росту национализма положил знаменитый Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 г., в котором утверждалось о якобы подчиненном и неравноправном положении сербов в Югославии и антисербской политике коммунистов, которые сузили Сербию территориально и эксплуатировали ее экономически, отдавая ее сырье Словении и Хорватии. Вслед за Академией ряд политиков, журналистов, писателей и служителей Церкви приняли участие к пропаганде национализма. Церковь назвала сербов избранным и непогрешимым народом, который всегда тяжело страдал. Появились квазиисторические работы, где сербы провоз-

глашались самым древним народом в мире, когда-то населявшим огромные пространства от Африки до Индии и Сибири, а Александру Македонскому приписывалось сербское происхождение. Распространялся тезис о том, что сербы благодаря своей великой культуре и религиозной толерантности не в состоянии совершить какую-либо агрессию и захватить чужую землю, а всегда только страдают и подвергаются завоеваниям и уничтожению (McDonald 2002: 63–73). Тем временем интенсивно шла подготовка к полномасштабной вооруженной агрессии против соседних республик.

Война началась в июне 1991 г., сразу после провозглашения Хорватией независимости (25 июня). Югославская народная армия, обладавшая огромным количеством оружия, вместе с сербскими полувоенными формированиями и добровольческими отрядами напала на разоруженную Хорватию. В результате к концу 1991 г. была захвачена треть хорватской территории, на которой была создана никем не признанная Республика Сербская Краина. Оборона Хорватии была крайне осложнена и решением ООН о эмбарго на закупки оружия для стран бывшей Югославии. Внутренняя ситуация также резко ухудшилась из-за массового приюта беженцев с оккупированных частей страны, а также из Боснии и Герцеговины – хорватов и боснийских мусульман. Их всех насчитывалось 664 тыс. к концу 1992 г. В результате войны север Хорватии оказался отделен от юга, что внесло дополнительные сложности в социально-экономическую жизнь (Nazor 2011).

Следует сказать о методах ведения войны сербскими войсками. Сами сербские власти оправдывали оккупацию Сербской Краины как необходимую защиту от повторения хорватского геноцида над местными сербами, уверяя, что военные действия вовсе не направлены на нанесение какого-либо ущерба хорватскому народу, а, напротив, представляют собой исключительно оборону (McDonald 2002: 82–83). Но по словам Андрии Хебранга, во время войны 1990-х гг. занимавшего пост министра здравоохранения Хорватии, агрессия на Хорватию отличалась большинства других проанализированных им войн тем, что в ней основной целью нападения (а не случайными жертвами) было мирное население. Сербские силы окружали те хорватские города и села, которые не могли завоевать, и стреляли не по военным объектам (которых у хорватов практически не было), а по жилым домам и общественным здани-

ям: школам, детским садам, церквям. Это было нужно, чтобы разогнать людей и занять этнически чистую территорию. При этом, все сербы из осаждавшихся хорватских городов были предварительно эвакуированы, чтобы среди них не было жертв. Хебранг перечисляет более 500 городов и деревень, по которым в 1991–92 гг. месяцами стреляли сербские войска, в том числе такие крупные по хорватским меркам города, как Вуковар, Осиек, Задар, Карловац, Госпич, Сисак, Винковци, Славонски-Брод. То есть, агрессивные действия сербских войск вышли далеко за пределы Сербской Краины и охватили множество поселений с абсолютным большинством хорватов, причем был применен очень жестокий метод террора над гражданскими лицами, что разбивает тезисы сербской пропаганды о якобы чисто оборонительной войне и стремлении завоевать только территории с большинством сербов. В результате значительная часть домов и квартир в этих городах оказалась разрушена (например, 35 % в Осиеке, 41 % в Винковцах, 76 % в Пакраце, 91 % в Вуковаре), множество деревенских домов было сожжено. Разрушено было и 1426 католических церквей, монастырей и часовен (в том числе полностью или серьезно разрушено 796). С оккупированной трети Хорватии, продолжает Хебранг, было изгнано 210 тыс. хорватов и других несербов. А число погибших, по его данным, составило около 7,3 тыс. мирных жителей, что больше, чем военных и полицейских – 6,9 тыс. Хебранг обосновывает точность этих данных тем, что они собирались возглавляемым им Военно-медицинским управлением при Министерстве здравоохранения и сопровождалась идентификацией каждого мирного жителя, чтобы доказать, что он был в момент гибели без оружия. По каждому погибшему и тяжело раненому собиралось множество самых разных данных. Он анализирует возрастную-половую структуру безоружных жертв, указывая, что 44 % убитых составили женщины, 5 % – дети, а 47 % были старше 60 лет. Поэтому он считает, что сербские войска совершили не просто агрессию, а геноцид: доля наиболее слабых и беспомощных групп людей среди убитых была особо высока. Еще один аспект агрессии – разрушение больниц. По данным Хебранга, было серьезно повреждено или полностью разрушено 17 городских больниц, расположенных близко к линии фронта, что, по его убеждению, является признаком геноцида. Из-за обстрелов больниц врачи и медсестры были вынуждены проводить операции

в подвалах, в условиях, не приспособленных для лечения больных. При этом, когда хорватская армия смогла приобрести достаточно оружия и остановить продвижение сербских войск, нападения на мирное население резко усилились (Hebrang 2013).

«На уровне почвы» агрессия выглядела следующим образом: обычные люди при объявлении воздушной тревоги были вынуждены месяцами прятаться в подвалах своих домов или в убежищах, боясь, что их квартира будет разрушена гранатой, и даже в те часы, когда обстрелов не было, продолжали находиться в состоянии паники. Во время интенсивных обстрелов г. Осиек, когда на него каждый день падали тысячи гранат, несколько солдат организовали в подвале радио «Желтая подводная лодка», задачей которого было не дать горожанам упасть духом, развеселить их, дать им надежду, что скоро все закончится (Hrvatski vojniki 2017). Поэтому представляется ошибочным тезис многих сербских, а также отечественных ученых, в частности А. И. Филимоновой, о главной ответственности Хорватии за развязывание войны (Филимонова 2011): факты показывают противоположную картину.

Больше всего пострадал г. Вуковар, который в ходе трехмесячной осады и обстрелов был разрушен до неузнаваемости. После того, как сербские силы его заняли, ими было совершено тяжелое преступление – при непосредственном участии офицеров ЮНА 200 больных и раненых из вуковарской больницы (включая женщин и детей) были отведены в поле «Овчара» и расстреляны. В декабре 1991 г., когда линия фронта стабилизировалась, были подписаны Женевские соглашения, по которым ЮНА покинула Хорватию, и с января 1992 г. активные боевые действия прекратились. Весной 1992 г. в Краину вошли силы ООН, создав там свои защищенные зоны (Nazor 2011).

В апреле 1992 г., после провозглашения независимости (6 апреля) войной оказалась охвачена соседняя Босния и Герцеговина, где еще 9 января была провозглашена никем не признанная Республика Сербская. Война началась по тому же сценарию, что и в Хорватии: отряды ЮНА и иррегулярные формирования (банды) входили в Боснию и занимали ее города и регионы, из которых изгонялось несербское население – преимущественно боснийские мусульмане, которые с 1993 г. стали официально называться «бошняки», а также хорваты. Широко известны этнические чистки в гг. Зворник,

Приедор, Фоча и др. Кроме того, на базе ЮНА была создана Армия Республики Сербской, которой были переданы оружие и техника ЮНА. Плохо обученная и вооруженная армия боснийских мусульман оказалась не в состоянии противостоять исключительно сильным сербским войскам. В результате, последним за несколько месяцев удалось занять 70 % территории Боснии. Ситуация радикально отличалась от Хорватии, которая сумела остановить агрессора далеко от своей столицы. Боснийские войска смогли задержать продвижение сербов только непосредственно у самого главного города. Была произведена попытка захватить и президентский дворец в Сараево, которая оказалась безуспешной. По идентичной схеме как и в Хорватии, Сараево и ряд других городов, которые сербы не могли завоевать, были окружены и регулярно обстреливались, а основной целью обстрелов вновь стали гражданские лица. Только если хорватам удалось снять осаду со своих городов спустя несколько месяцев, осада боснийских городов, а значит и массовые лишения, страдания и подъем смертности, продолжалась несколько лет. Международное сообщество в лице генерального секретаря ООН и лидеров Великобритании и Франции при этом проявили полную пассивность, не оказав помощи бошнякам, чтобы остановить агрессию (см.: Энгельгардт 2015; Filipović 2008).

Как и в случае с Хорватией, сербские политики и военные утверждали, что действуют строго в интересах самозащиты, не трогая территории с большинством мусульман. Так, главнокомандующий Армии Республики Сербской, генерал Ратко Младич говорил, что ничего не завоевывал, а наоборот освободил вековые сербские земли, причем много других «сербских земель» в Боснии все еще ждут своего освобождения. Генерал правда умолчал о том, что его войска изо всех сил старались захватить крупнейшие города с большинством боснийских мусульман. Президент Республики Сербской Радован Караджич даже призывал бошняков отказаться от ислама и принять православие, поскольку они произошли от сербов. Официальные лица Республики Сербской дополнительно оправдывали свою «освободительную» войну тем, что боснийским сербам угрожает истребление со стороны мусульман, чьи войска восприняли радикальный исламизм и стали массово убивать и насиловать «неверных». Подобные обвинения выглядели необоснованными, так как боснийские мусульмане были очень сильно се-

куляризированы и скорее воспринимали ислам как традицию и фольклор, но не как образ жизни (McDonald 2002).

Полностью завоевать территорию Боснии и свергнуть ее правительство у сербских сил не получилось, так как боснийские мусульмане, оправившись от сокрушительных поражений в первые месяцы войны, за короткий срок смогли организовать эффективную армию, которая стала ожесточенно сопротивляться агрессии. И хотя освободить окруженные города у них не хватало сил, тем не менее заметная часть территории страны с важнейшими городами осталась свободной, и линия фронта стабилизировалась. Особо серьезные усилия сербы предприняли для завоевания Сараево: для этого были привлечены 20 тыс. военных, 600 артиллерийских орудий и более 120 танков, благодаря чему удалось полностью окружить город, в котором находилось 350 тыс. человек. Его осада осуществлялась по средневековой модели, но с применением наиболее современных орудий, использовавшихся, чтобы сделать невозможной нормальную жизнь людям. В некоторые дни на город падало 10 тыс. снарядов. В мае 1995 г. удалось отбить атаку на президентский дворец и разбить все отряды агрессора внутри города, однако он продолжал оставаться заблокированным извне (Karavelić 2008).

В начале войны вместе с боснийскими мусульманами против сербской агрессии сражались и боснийские хорваты. Однако в 1992 г. между хорватскими и мусульманскими лидерами возникли непреодолимые разногласия, после чего хорваты провозгласили свою республику Герцег-Босна и в июне 1992 г. начался весьма интенсивный мусульманско-хорватский конфликт. Около 20 % территории Боснии вышло из-под контроля центрального правительства, а хорватские отряды начали осуществлять изгнание мусульман и сербов с занятых территорий. На территории Герцег-Босны были созданы концлагеря, подобные сербским, где мучили пленных и гражданских лиц – бошняков и сербов. Некоторые города с большинством бошняков обстреливались армией Герцег-Босны по образцу сербских войск, что привело к сотням жертв среди мирного населения. Об обстреле Мостара журналистами Би-би-си был снят фильм. Таким образом, боснийское правительство столкнулось с тяжелейшей войной на два фронта. В условиях хаоса и отчаяния были совершены военные преступления над мирными жите-

лями некоторых хорватских деревень. В 1993 г. существовала очень серьезная опасность падения Боснии и раздела ее территории между сербскими и хорватскими образованиями. Тогда военные действия между сербскими и хорватскими формированиями в Боснии неожиданно прекратились, и стороны даже начали сотрудничать между собой в борьбе против армии боснийских мусульман. К тому же в 1993 г. в северо-западном районе с большинством мусульман образовалась «автономная область» Западная Босния, которая сразу же стала тесно сотрудничать с Республикой Сербской. На стороне боснийских хорватов в 1993 г. активно сражались и войска из Хорватии (Divjak 2011; Luriga 2017), о чем стало известно на Западе. Перед Хорватией возникла угроза экономических санкций ООН, подобных тем, что были введены против Сербии в 1992 г., которые страна чрезвычайно тяжело перенесла. Поэтому Ф. Туджман в феврале 1994 г. был вынужден вывести свои войска (Pavić 2006). В конечном счете, ценой невероятных усилий боснийским мусульманам удалось избежать поражения.

В 1994 г. под давлением США, которые вмешались в конфликт на стороне боснийских мусульман, Герцег-Босна была ликвидирована, и с марта мусульманские и хорватские войска объединились в борьбе против сербских сил. Ф. Туджман и А. Изетбегович подписали соглашение, по которому армии Хорватии официально разрешалось действовать на территории БиГ. Уже в октябре 1994 г. совместные мусульманско-хорватские силы освободили район г. Купрес (Коваč 2015). Однако сербы продолжили завоевывать новые территории в Восточной Боснии – например, города Сребреница и Жепя в июле 1995 г. Как считается, в Сребренице в течение нескольких дней после ее падения произошел геноцид над бошняками.

Тем временем активизировалась ситуация на хорватском фронте. Первые победы хорватских войск относятся к декабрю 1991 г., когда ими была освобождена большая территория в районе г. Пакрац. В течение 1992–94 гг. хорватские силы осуществили несколько небольших и кратковременных операций по освобождению некоторых стратегически важных районов: 1992 г. – операции «Сожженная земля», «Тигр», «Конавле», с помощью которых была снята осада с Дубровника и освобожден юг Хорватии, в 1993 г. – операции «Масленица», соединившая север и юг Хорватии, а также

«Медакский карман» и «Перуча» (Kovačević 2010). Хорватское правительство начало интенсивно готовиться к операции по ликвидации Сербской Краины. Генеральная репетиция произошла в мае 1995 г., когда в ходе операции «Молния» под контроль хорватских сил была поставлена значительная территория, а войска Сербской Краины потерпели полное поражение. Одновременно с этим в Западной Боснии были освобождены новые крупные территории, чтобы блокировать Сербскую Краину с востока и создать условия для занятия Книна. Сама операция «Буря» прошла с 4 по 8 августа 1995 г. и длилась 84 часа. Армия Сербской Краины при этом не оказала сколько-нибудь серьезного сопротивления, и хорватские войска очень быстро овладели довольно большой территорией республики – 10,4 тыс. км² (Dalmacija danas 2019). У многих аналитиков вызвало недоумение то, что С. Милошевич отказался вмешаться в конфликт на стороне сербов.

Данные хорватских и сербских исследователей по потерям среди гражданского сербского населения во время этих двух операций отличаются на несколько порядков. Так, сербский исследователь, переселившийся в Сербию из Хорватии, Саво Штрбац, приводит данные о гибели 2,7 тыс. мирных жителей, основная часть которых погибла в ходе операций «Молния» и «Буря» (Štrbac 2014). А. Хебранг, лично принимавший участие в операции «Буря», утверждает, что С. Штрбац фальсифицировал данные, приписав к ним огромное количество вооруженных гражданских лиц, не имевших военной униформы, которых ни при каких условиях нельзя отнести к мирному населению, и сообщает о гибели в этих военных операциях всего 44 человек, чья смерть была доказана в Гаагском трибунале, а также 47 человек по данным Генеральной прокуратуры Хорватии. Хорватские правозащитные организации дают цифры погибших, находящиеся примерно между этими данными. Так, Хорватский Хельсинский комитет по правам человека говорит о 667 точно установленных жертвах среди мирного сербского населения (Hebrang 2013). В августе 2018 г. возник спор между членом комитета Драго Пилселом и А. Хебрангом. Пилсел утверждал о значительном занижении последним числа убитых сербов, отрицании им фактов преступлений, совершенных хорватскими войсками и говорил, что лично видел последствия разрушений и убийств, совершенных хорватскими военными. А. Хебранг отвечал, что серб-

ские жертвы преувеличиваются на фоне настоящего геноцида, который пережил хорватский народ в ходе сербской агрессии, что хорватская власть, в которой участвовал и он, не планировала какое-либо убийство или изгнание сербов, а также что многие жертвы среди мирного населения были случайными, поскольку перед хорватскими солдатами стояла крайне сложная задача. Чтобы успеть вовремя отреагировать, им нужно было за доли секунды отличить мирного жителя от вооруженного лица в гражданской одежде, которых в сербских силах (в отличие от хорватских) было очень много. Поэтому по ошибке было убито несколько десятков мирных сербов (см.: Pilsel 2018). Еще больше разногласий вызывает вопрос об изгнании мирного населения. Сербская сторона говорит о 233 тыс. изгнанных сербов (Aleksić 2014), в то время как хорватская сторона признает неоспоримый факт исхода сербов, но говорит, что произошло не изгнание, а эвакуация подавляющего большинства сербского населения за день до начала операции «Буря», которую приказало осуществить руководство Сербской Краины, и приводит в качестве доказательства документ с приказом об эвакуации гражданских лиц, подписанный одним из руководителей Краины Миланом Мартичем (см., например: Višnjić 2018).

После падения Сербской Краины хорватские войска двинулись дальше, в северо-западную Боснию, и сняли блокаду с г. Бихач, которая продолжалась 3 года. Осенью 1995 г. продолжалось быстрое наступление объединенных мусульманско-хорватских сил, которым помогала авиация НАТО, бомбившая позиции боснийских сербов. Сербы отступали и сдавали все новые и новые территории. В конце концов, возникла опасность падения крупнейшего города боснийских сербов Баня-Лука, которая уже готовилась к эвакуации: мусульмане и хорваты быстро приближались к городу по нескольким направлениям. Однако по решению президента США Билла Клинтона войска были остановлены, и Баня-Лука, а значит и Республика Сербская, была спасена (Granić 2019). Ее существование было закреплено Дейтонскими соглашениями в ноябре 1995 г., согласно которым ее территория сокращалась с 70 % (которые она контролировала на пике своей мощи) до 49 %, но в то же время получала столь широкую автономию, что напоминала скорее независимое государство, чем федеральную единицу. Дейтонские соглашения оставили в той или иной степени недовольными все три сто-

роны конфликта, особенно хорватов, которые лишались какой-либо автономии в Боснии. Больше всего добились сербы, которые впервые в истории смогли создать практически независимое государство на половине территории Боснии, где они стали составлять подавляющее большинство (Энгельгардт 2015). Хотя до войны на этой территории доля несербского населения (прежде всего боснийских мусульман) достигала трети, а в некоторых районах, расположенных на востоке Республики Сербской – вдоль р. Дрина на границе с Сербией – их было абсолютное большинство. Сербские консервативные силы называют Республику Сербскую самой большой исторической победой сербского народа в XX в. (Правда 2016). С точки зрения бошняков и значительной части хорватов, она возникла на геноциде и жестоком изгнании мирного населения и поэтому не только не может считаться какой-либо победой, но даже не имеет права на существование (Вошњаси 2015).

Касаясь очень важного вопроса о числе жертв в Боснии и Герцеговине, надо отметить, что именно на эту республику пришлось самое большое число погибших в 1990-х гг. Существует два подробных источника с оценками числа жертв, которые достаточно близки между собой. Они составлены соответственно западными и боснийскими исследователями. В первом из них приводятся цифры о гибели у бошняков 42,5 тыс. военных и 25,6 тыс. гражданских лиц; у сербов – 15,2 тыс. и 7,5 тыс., у хорватов – 3,1 тыс. и 1,9 тыс. (Zwierzchowski, Tabeau 2010). Во втором источнике (Боснийская книга мертвых) приводятся следующие данные: у бошняков погибло 30,9 тыс. военных и 31,1 тыс. гражданских лиц, у сербов – 20,8 тыс. военных и 4,2 тыс. гражданских (причем около 2 тыс. составили жертвы сербских гранат при осаде Сараево), у хорватов – 5,9 тыс. военных и 2,5 тыс. мирного населения (Dijalog 2018). Таким образом, самыми большими жертвами войны (особенно если брать гражданское население) стали боснийские мусульмане, что согласуется и с ходом военных действий, а меньше всего гражданских лиц погибло у хорватов, которые не вели серьезных военных действий с сербскими войсками. Особенно пострадали бошняки в Восточной Боснии, а также в Сараево. В этом городе из-за последствий обстрелов 6 % населения составляют тяжелые инвалиды. Высшие показатели смертности наблюдались в 1992–93 гг., когда насильственные смерти вышли на первое место среди всех причин.

Всего за время осады было зарегистрировано 10,6 тыс. погибших, из них большая часть пришлась на мирное население, в том числе 1,6 тыс. детей (Smajkіć 2008).

В 1998 г. обострился конфликт в Косово, который имел давнюю историю. Еще в 1950-х гг. в послевоенной Югославии началось постепенное выдавливание сербов из края, в результате чего они были вынуждены начать эмигрировать. В 1981 г. начались массовые демонстрации албанцев за предоставление им большей автономии. После прихода к власти С. Милошевича началось подавление прав косовских албанцев. В 1990 г. край был фактически лишен автономии, затем последовало выдворение албанцев из общественно-политической жизни, в результате чего они создали свои, параллельные общественные институты. Одновременно активизировалось радикальное крыло сторонников независимости Косово – так называемая Армия освобождения Косова (АОК), которая провела ряд терактов против сербской армии, полиции и мирных жителей, а также албанцев, лояльных сербской власти. В ответ сербская власть отправила в край значительные контингенты армии и полиции, однако их действия оказались направлены не столько против боевиков АОК, сколько против мирного албанского населения. К ним присоединились и сербские полувоенные формирования. По некоторым данным, в результате действий сербских сил погибло около 2 тыс. безоружных албанцев, а 300 тыс. бежали из своих домов (Bellamy 2000). После этого руководство США обвинило С. Милошевича в геноциде над албанцами. Начались сложные и длительные переговоры между сербами и албанцами при посредничестве американцев, на которых не удалось достичь компромисса. Милошевич отказался идти на уступки, после чего самолеты НАТО были подняты в воздух и начались бомбардировки Сербии, продолжавшиеся 78 дней. В ходе них было совершено множество ошибок и преступлений, теперь уже против мирного сербского населения. Всего погибло от 500 до 1,8 тыс. гражданских лиц, были повреждены гражданские объекты (школы, больницы, дороги, мосты), а также произошло резкое ухудшение экологической ситуации из-за бомбежек нефтеперерабатывающих заводов (Cohn 2002). Вместе с тем, по некоторым данным, НАТО предупреждало сербов за 24 часа до начала бомбардировок многих объектов. В случае с бомбардировками здания РТС (Телерадиокомпа-

нии Сербии) эти предупреждения были проигнорированы сербскими ответственными лицами, что привело к гибели 16 человек (Радио России 2019).

Во время операции НАТО часть сербской армии и полиции в Косово резко интенсифицировала свои действия против мирных албанцев. В результате было убито еще около 5 тыс. мирных жителей, а около 800 тыс. албанцев оказались изгнаны из родных мест и были вынуждены бежать в Албанию и Македонию. В ходе действий сербских войск были окружены и обстреляны города и деревни, разрушено множество домов, мечетей и средневековые исторические районы косовских городов, построенные в османском стиле. Как считается, все эти действия были спланированы в высших органах власти Сербии, включая самого Милошевича, который также придумал план сокрытия тел убитых, чтобы о преступлениях не стало известно мировой общественности (Sense... 2017).

После окончания военных действий, 10 июня 1999 г., Милошевич подписал капитуляцию, по которой сербские войска и полиция должны были покинуть Косово, и край передавался во временное управление ООН. В Косово 12 июня вошли силы НАТО, призванные следить за безопасностью мирного населения. Тем не менее, за 1999 г. из края были изгнаны 226 тыс. сербов и 61 тыс. других неалбанцев, разрушено 85 церквей и других памятников культуры, а 1 тыс. сербов были убиты. Были разрушены и осквернены православные храмы. В результате погромов в марте 2004 г. было разрушено 27 церквей и монастырей, а 4,1 тыс. человек стали беженцами (Ходунов 2017). Однако в дальнейшем обстановка в крае улучшилась и некоторые сербские семьи стали постепенно возвращаться в свои дома, а Косово приложило усилия для восстановления части разрушенных памятников культуры. В 2008 г. власти Косова провозгласили независимость, которую в течение нескольких лет признало подавляющее большинство государств Запада и исламских стран. Сербия официально отказывается признать Косово, хотя, по мнению ряда аналитиков, в том числе юриста Зорана Ивошевича, фактическое признание его независимости сербскими властями произошло уже в апреле 2013 г. (Ivošević 2017).

В январе 2001 г. начались боевые действия в Македонии, где радикально настроенная часть албанцев, к которым примкнула АОК, выступила против центральной власти. Военные действия

окончились в августе того же года после подписания Охридских рамочных соглашений, по которым албанцам предоставлялась культурная автономия. Однако межнациональные противоречия все еще остаются на достаточно высоком уровне. Поскольку интенсивность конфликта была значительно ниже, чем югославских войн 1990-х гг., число погибших как среди военных, так и среди гражданских лиц также было относительно небольшим. Македонская армия, по свидетельствам ОБСЕ, не допускала жертв среди мирного населения. При этом, достаточно большое число беженцев – македонцев и сербов (77 тыс.) покинуло регионы с албанским большинством (Третьякова 2017).

Подводя итог, следует сказать об исключительно масштабных потерях именно гражданского населения для конца XX в. в югославских войнах. Это говорит о том, что политика социалистической Югославии, направленная на предотвращение подобного рода конфликтов, проводилась недостаточно эффективно, или же прошло недостаточно времени для того, чтобы ее результаты закрепились в массовом сознании большинства жителей. Экономический кризис и политические перемены в мире, связанные с крушением социалистической системы на фоне очень высокого конфликтного потенциала в бывшей Югославии вызвали рост национализма и активизацию радикальных элементов, которые втянули страну в кровопролитные войны и разрушили ту атмосферу доверия и мирного сосуществования, которая создавалась десятилетиями. А после окончания войн и конфликтов между народами появились новые, непреодолимые противоречия.

К вопросу о масштабах и причинах массовых военных преступлений в бывшей Югославии в XX веке и рекомендации по их предотвращению

Проблема масштабов потерь среди гражданских лиц, а также причин и степени вины тех или иных сторон конфликта в бывшей Югославии в рассматриваемый период остается чрезвычайно актуальной и обсуждаемой темой не только на Балканах, но и в мировой балканистике. Как уже говорилось, по большинству ключевых эпизодов кровопролитных конфликтов на Балканах существуют не просто разные, но и противоположные мнения. При этом, сербская

историографическая версия данных событий наиболее серьезно отличается от версий, принятых в остальных странах региона. Хотя также существуют огромные расхождения, например, между хорватской и боснийской историографией, касающиеся войны в Боснии в 1992–95 гг., или же между болгарской и македонской историографией по поводу событий Второй мировой войны, но именно отличия сербской историографии от остальных представляются наиболее значимыми. К тому же, в последние три десятилетия возникло исключительно серьезное различие между отечественной и западной историографиями, прежде всего по вопросу событий 1990-х гг., но также по некоторым важным эпизодам событий Второй мировой войны на Балканах.

Основной чертой работ множества сербских ученых и публицистов, касающихся военных преступлений, являются очень существенное преувеличение страданий сербов и преуменьшение, а чаще – даже полное отрицание, страданий других народов от сербских войск. Так, в них как правило даются предельно высокие оценки числа жертв геноцида усташей (от 700 тыс. до 1 млн. убитых сербских мирных жителей [Geiger 2011]), как и жертв от болгарских войск в Первой мировой войне, а также значительно завышается число убитых сербов в Сараево и около Сребреницы в 1990-х. В то же время ими отрицаются массовые преступления со стороны сербских сил под руководством Милошевича и Р. Младича, совершенные в Хорватии, Боснии и Герцеговине, против косовских албанцев, преступления против боснийских мусульман и хорватов во Второй мировой войне, а особенно против македонских болгар, турок и албанцев в 1903–15 и 1918–41 гг. Существование болгар в Македонии обычно вообще не признается, и все македонские славяне вразрез с элементарными научными фактами провозглашаются сербами (или частично сербами, а частично – населением без ясного самосознания), причем не только в публицистических статьях, но и в диссертациях. Все репрессии сербских войск в ней последовательно отрицаются, и их поведение идеализируется (см., например: Антић 2016). Отрицание сербскими политиками и интеллектуальной элитой геноцида над бошняками в Сребренице, доказанного высшей мировой судебной инстанцией – Международным судом ООН, стало привычным (Marković 2019). Надо сказать, что такое отрицание/серьезное преуменьшение преступлений

собственной стороны и преувеличение преступлений с другой стороны является характерным не только для сербских, но и для других историков и публицистов региона. В хорватских работах предельно занижается уровень преступлений над сербским населением в войне 1991–95 гг., а также преуменьшаются преступления, совершенные на территории Герцег-Босны, а ее руководители считаются полностью невиновными. В македонских работах невозможно найти никакой информации о массовых ликвидациях македонских болгар после 1945 г. Болгарские историки часто отрицают любые значительные преступления над сербами в двух мировых войнах; эта тема вообще весьма слабо разработана в болгарской историографии (Вълков 2016).

Стоит также посмотреть, каким образом сербские авторы объясняют такую свою теорию. Они отмечают огромную роль православия в менталитете сербов и сербском самосознании, которое, как они полагают, удерживает сербов от совершения преступлений (Гойкович 2018). Действительно, православие, как и католичество, являются ответвлениями христианства – одной из ярко выраженных религий ненасилия (наряду с буддизмом тхеравады). Доказано, что общества, где глубоко воспринята религия ненасилия, гораздо меньше страдают от кровопролитных конфликтов, чем остальные общества, прежде всего – за счет снижения социализации молодежи на агрессию (Кортаев, Малков, Халтурина 2007: 129–131). Однако существует пример НГХ, где католичество официально было провозглашено государственной религией, во многие ее вооруженные отряды были назначены капелланы, а само население воспринимало католичество как очень важный элемент идентичности (Paris 1961). Все это тем не менее не удержало усташские войска от совершения крупнейшего на Балканах геноцида, причем в нем погибли в основном христиане. Учитывая весьма большую близость хорватов с сербами по культуре и менталитету, можно было бы предположить, что и сербские войска в какие-то моменты православие не могло удержать от массовых преступлений. Это подтверждается, например, фактом массовых преступлений над болгарами в Македонии, хотя они принадлежали не просто к той же религии, но и к той же самой конфессии, что и сербы. Таким образом, в условиях Балкан с их исключительно сложной межнациональной

обстановкой одна лишь формальная принадлежность к религии ненасилия недостаточна.

Видимо, чтобы проявился потенциал ненасилия, нужно, чтобы население хорошо знало религиозные правила, о чем обычно заботится духовенство. Но по свидетельствам, даже в начале XX в., когда роль религии в жизни общества была особенно сильна, духовенство в балканских странах зачастую не старалось обучать население основам религии, а в некоторых случаях и само их нарушало, скатываясь в национализм (Carnegie... 1914). Известны случаи хорватских священников, которые в 1940-е гг. открыто призывали к убийству безоружных сербов, а некоторые (например, Мирослав Майсторович по прозвищу «Сатана») даже сами в нем участвовали, убивая людей жестоким способом (Paris 1961). В боснийской войне 1990-х гг. один сербский священник во главе вооруженного отряда выгнал несколько мусульманских семей из своих домов в г. Требинье, а затем велел снести 500-летнюю городскую мечеть во время православного праздника (McDonald 2002: 241). Это говорит о большой опасности шовинизма на Балканах, который может извратить даже религию ненасилия и превратить ее в орудие насилия над инаковерующими, если рядовое население и само духовенство слабо знает ее правила, регулирующие отношения с людьми.

Итак, имеющиеся факты показывают, что формальная принадлежность к религии ненасилия далеко не всегда означает реальное следование ей в жизни. Поэтому тезис о том, что формальная принадлежность к православию большинства сербских солдат и офицеров всегда автоматически гарантировала отсутствие массовых преступлений с их стороны, следует признать полностью ошибочным, тем более, что он опровергается реальными фактами.

Кроме того, сербские ученые опасаются, что если сербских лидеров 1990-х – Милошевича, Караджича и Младича, – признать виновными в геноциде, то получится, что в нем виноват весь сербский народ. Но ведь во всем мире признается факт усташского геноцида и ответственности за него хорватских усташских лидеров 1940-х – Павелича, Лубурича, Артуковича и других высокопоставленных преступников и массовых убийц. Тем не менее, было бы абсурдно обвинить в этом геноциде весь хорватский народ. Во-первых, потому что в нем участвовало откровенное меньшинство хорватов, и даже среди взрослых хорватских мужчин большинство

не убивало своими руками сербов, евреев и цыган. Во-вторых, потому что очень большая часть хорватов не поддерживала усташей (а еще большая часть, в том числе даже некоторые сторонники НГХ, не поддерживали геноцид как таковой), а сотни тысяч хорватов приняли самое активное участие в партизанском движении и были тем самым непримиримыми врагами усташей. Точно такие же критерии следует применить и к сербскому народу в 1990-х гг. Даже если суммировать все жертвы сербских войск (и среди бошняков, и среди хорватов, и среди албанцев и других национальных меньшинств), то их количество будет значительно меньшим, чем число гражданских лиц, убитых усташами. И это притом, что сербов в 1990-х гг. было более чем вдвое больше, чем было хорватов в 1940-х гг. А значит, процент сербов, которые непосредственно участвовали в убийствах, был в несколько раз меньше, чем процент хорватов, убивавших мирных жителей в НГХ. Правда, в 1990-х не было гражданской войны между сербами, поэтому у них не могло быть движения, которое бы военным путем боролось с режимом. Однако известно, что очень значительная часть сербов не поддерживала режим Милошевича и голосовала за антивоенно настроенную оппозицию (Сербское движение обновления, Демократическую партию и т. д.), а сотни тысяч сербов выходили на улицы и площади и протестовали против режима. Известны популярные музыкальные коллективы, которые протестовали против войны и исполняли антивоенные песни (прежде всего, группа «Партибрэйкерс» [Vukelić 2016]). Таким образом, даже если признать существование многочисленных жертв и вину сербских политических и военных лидеров за агрессию и геноцид в регионе, все равно не может быть и речи о «геноцидной природе» всего сербского народа: очевидно, что подавляющее большинство сербов не поддерживало геноцид и в нем не участвовало. Более того, далеко не все сербские солдаты и офицеры в 1990-х гг. совершали какие-либо преступления, поэтому всех служивших в сербских войсках также нельзя обвинять в геноциде, а только конкретных преступников среди них, составлявших откровенное меньшинство. К тому же именно сербы, как уже говорилось, понесли самые большие жертвы среди мирного населения в регионе в XX в. Так что, и этот тезис тоже представляется ошибочным. Наоборот, признание доказанных преступлений 1990-х и ответственности за них,

например, Ратко Младича, чья вина очевидно доказана, приведет к заметному улучшению межнациональных отношений в регионе и улучшению восприятия сербского народа со стороны соседних народов. Это доказывает и опрос, проведенный среди сербов, хорватов и босняков в Боснии и Герцеговине. С одной стороны, сейчас 51 % боснийских мусульман не любят сербов из-за их роли в войне и агрессивности, которую тогда проявили (по сравнению с 13–15 % в других случаях). Но при этом целых 82 % мусульман, как и 61 % хорватов, изменили бы отношение к сербам в лучшую сторону, если бы они признали вину части своих солдат и офицеров за преступления над ними и извинились бы (Skoko 2011).

Свои взгляды о полной невинности сербской стороны во всех войнах сербские исследователи также подкрепляют тем, что массовые преступления сербских войск были выдуманы ведущими западными политиками и обслуживающими их журналистами с целью создания негативного образа сербского народа и последующего навязывания сербам, как виноватой стороне, унижительных политических условий. Этой же точки зрения придерживаются и многие отечественные ученые. Среди причин, помимо надежды на невинность лидеров своего народа, следует назвать и тот факт, что во Второй мировой войне сербы были без сомнения самым пострадавшим народом по числу погибших, и именно над сербами была совершена основная масса преступлений на Балканах. Это обстоятельство мотивирует очень многих сербских деятелей смотреть на 1990-е как своего рода продолжение 1940-х и верить, что и в 1990-х подавляющее большинство преступлений были совершены над сербами, а сами сербы в основном защищались от нового геноцида. Так, по словам философа Миши Джурковича, если бы Республика Сербская не сопротивлялась, сербов в Боснии не осталось бы, что подразумевает, что армия боснийских мусульман якобы хотела истребить всех сербов (Ђурковић 2018).

Для сравнения, среди хорватских политиков отрицают геноцид усташей практически только лидеры маргинальных радикальных партий, которые даже во время войны 1990-х не набирали более 5 %, а общественных деятелей, которые бы отрицали массовые преступления, там значительно меньше, чем в Сербии (из наиболее известных стоит назвать журналистов крайне правой ориентации Милана Ивкошича и Наду Пркачин, а также священника Степана

Разума и историка Степана Лозо). Туджман, вопреки распространенному заблуждению, геноцид не отрицал, но тем не менее резко преуменьшал число его жертв, надеясь, что на самом деле было убито в несколько раз меньше, чем говорилось в официальной коммунистической версии, за что отсидел несколько лет в тюрьме. Так, он в конце 1980-х гг. оценил общее число погибших мирных жителей в НГХ в 50 тыс., из них в концлагере Ясеновац – 30–40 тыс., намекая при этом, что евреев и цыган там было убито даже больше, чем сербов. Он обвинил в резком увеличении числа погибших сербов Сербскую Православную Церковь, преследовавшую цель посеять раздор между сербами и хорватами, а также коммунистических вождей в Белграде, которым было выгодно представить весь хорватский народ как виновный в геноциде и получить таким образом моральное право эксплуатировать свою «колонию» Хорватию, присваивая себе ее доходы от туризма и т.д. Интересно, что сербские консервативные историки, наоборот, обвиняют Ватикан в резком занижении числа сербских жертв, чтобы скрыть истинные масштабы геноцида (McDonald 2002: 167–169).

По всей вероятности, очень небольшая доля известных хорватов, отрицающих геноцид усташей, связана во многом с тем, что на протяжении почти полувека правящая Коммунистическая партия всячески распространяла в хорватском обществе информацию об усташском геноциде и мучениях и убийствах нехорватов в концлагерях НГХ путем СМИ, школьных и университетских программ, обязательного посещения Ясеноваца школьниками и т. д., а также с крайне негативным отношением ко всем профашистским движениям на Западе, с которым себя идентифицируют хорваты. Поэтому отрицать геноцид среди заботящихся о своем авторитете хорватских политиков и журналистов стало дурным тоном. А вот в Сербии, а тем более Республике Сербской, после 2000 г. ничего подобного по отношению к геноциду над боснийскими мусульманами не было проведено. Республика Сербская наоборот прославляет виновников геноцида на официальном уровне как героев (для современной Хорватии и даже Хорватии времен Ф. Туджмана немислимо официально прославлять усташских лидеров), в результате чего две трети граждан республики считают Караджича героем, а вовсе не преступником (Ramet 2007). Обращает на себя внимание, что в случае Хорватии, и, особенно, Сербии, больше всего отрицают ге-

ноцид люди, заявляющие о своей высокой религиозности. Так, в Хорватии геноцид над сербами активно отрицают Степан Разум и Нада Пркачин. В Сербии отрицанием геноцида над бошняками занимаются политики Младен Обрадович (движение «Сербский образ»), Воислав Шешель и Неманя Шарович (Сербская радикальная партия), православные публицисты Владимир Димитриевич, Ненад Благоевич, Ранко Гойкович и т. д. СМИ сообщают о политике, члене правящей Сербской прогрессивной партии Владимире Джукановиче, известном в качестве защитника традиционных семейных ценностей, который не только отрицал геноцид, но и выразил восхищение Ратко Младичем за «безупречно совершенную операцию по освобождению Сребреницы» (Radio Sarajevo 2019). Были также сообщения о том, что В. Джуканович назвал современную Хорватию продолжателем НГХ (хотя в реальности нынешняя Хорватия не имеет ничего общего с НГХ), а также заявил, что все сербы, которые болеют за Хорватию на Чемпионате мира по футболу 2018 г. – «идиоты», и даже назвал идиотом самого успешного теннисиста в мировой истории серба Новака Джоковича за то, что он поддержал Хорватию. Это заявление он сделал, находясь в Греции, добавив, что ни за что не поедет отдыхать в Хорватию, где сербов поубивали и изгнали, а отдыхает только в дружественных православных странах (Marković 2018). В то же время, среди личностей, наиболее активно осуждающих, соответственно, геноцид Ратко Младича и усташский геноцид, выделяются открытые атеисты и нерелигиозные люди или же люди, активно критикующие официальную Церковь. В Хорватии это историк Хрвое Класич, писательница Ведрана Рудан и бывший президент Иво Йосипович, а в Сербии – историк Дубравка Стоянович, драматург Борка Павичевич (1947–2019 гг.), политики Александра Ерков из Демократической партии, Ненад Чанак из Лиги социал-демократов Воеводины, Чедомир Йованович из Либерально-демократической партии. Высокий уровень религиозности для Балкан и особенно для Сербии, таким образом, является мощным фактором, блокирующим признание геноцида на индивидуальном уровне. Это может быть связано с надеждой глубоко верующих людей на особо высокий уровень религиозности у подавляющего большинства представителей собственного народа, который должен обеспечивать его безупречное поведение, а это значит, что и его войска не могут совершить ка-

кие-либо массовые преступления. Об этом прямо говорит умеренный, но изо всех сил отрицающий геноцид сербский политик Владан Глишич: Соседние народы «в истории были больше палачами, чем жертвами», тогда как сербы «в прошлых войнах всегда были в позиции морального превосходства в качестве жертвы преступных армий, которые в конце концов справедливо побеждало сербское войско, освобождая свой народ – народ-жертву» (Глишић 2010), потому что «православие – это основа сербской национальной идентичности» (Intermagazin 2018).

К сожалению, некоторые подобные политики, историки и публицисты идут так далеко, что отрицают саму возможность приличного поведения войск соседних народов. Например, еще в 1986 г. историк Василие Крестич написал очень популярную статью о том, что у хорватской армии и хорватских властей есть длительная традиция совершения геноцида (Ramet 2007). Ранко Гойкович пишет о полной неспособности хорватской и боснийской армии воздерживаться от массовых убийств мирного сербского населения на фоне вечного сербского героизма, милосердия и огромного количества невинных жертв (Гойкович 2015). Ему вторит Ненад Благоевич, который не останавливается перед открытыми оскорблениями всех народов-соседей (хорватов, албанцев и болгар), действуя, очевидно, в традициях некоторой части сербской интеллигенции первой половины XX в. (Благојевић 2017). Политик и член Сербского движения обновления Александр Чотрич заявил, что хорваты-усташи применяли самые страшные на свете методы мучения и убийства сербов и убили «может быть, даже миллион сербов». Он утверждал, что усташи убивали хуже, чем нацисты: последние, по его словам, «более-менее старались скрыть свои преступления и совершать ликвидации все-таки далеко от глаз общества», а вот усташи убивали сербов нагло и открыто, «устраивая пиры, празднуя, при поддержке значительной части населения». Закончил он свое выступление словами, приписываемыми хорватскому скульптору Ивану Мештровичу, которые он сказал королю Александру Карагеоргиевичу: «Я предлагаю Вам нас [хорватов] вначале узнать, а потом решить, стоит ли Вам нас любить». При этом, выступление А. Чотрича некоторые слушатели вполне могли понять так, что хорватский народ не заслуживает любви, потому что в продолжение передачи говорилось исключительно об ужасных преступлени-

ях хорватских войск и даже отрицалось сколько-нибудь значительное участие хорватов в партизанах. Причем и о хорватских партизанских лидерах было сказано, что они в последствии трансформировались в усташей и возненавидели сербов (YouTube 2019). То есть, создавалось впечатление, что у хорватов вообще не может быть нормальных лидеров. Чотрич мало того, что во много раз преувеличивает геноцид усташей (очевидно, искренне заблуждаясь), но еще и описывает усташские формирования не просто как преступников, а как самых худших преступников в мире, хотя это неправильно: любой геноцид сам по себе одинаково ужасен, каким бы способом он ни осуществлялся. Говоря о событиях 1990-х, он обвинил хорватские власти «начиная с Туджмана и до сих пор», что они поступали с сербами хуже, чем Павелич, что весьма далеко от истины (при этом, агрессию Сербии на Хорватию Чотрич не признал). Перейдя к войне в Боснии и Герцеговине, он снова озвучил версию, радикально противоречащую реальным фактам, и обвинил в геноциде над сербами армию боснийских мусульман, мотивируя это тем, что в Республике Сербской живет гораздо больше мусульман и хорватов, чем в Федерации Боснии и Герцеговины – сербов (Трикийћ 2018). Таким образом, А. Чотрич, будучи формально членом одной из наиболее демократически настроенных партий (ее лидер Вук Драшкович признает и постоянно критикует массовые преступления режима С. Милошевича), фактически в своих выступлениях высказывает взгляды, никак не отличающиеся от позиций крайне правых сербских националистов из «Образа» и Радикальной партии. Ему, тем более учитывая его депутатский мандат, а значит, большую ответственность, следует гораздо более внимательно и аккуратно относиться к своим выступлениям, не рассказывая только лишь о негативных сторонах истории соседних народов.

Касаясь причин, почему некоторые сербские общественные деятели не только не в состоянии признать преступления, совершенные некоторой частью своего народа, списывая их на западную пропаганду, но и при этом обвиняют власть и армию других государств (чаще всего Хорватии) в полном моральном разложении и вечной неспособности соблюдать элементарные моральные нормы, важно отметить следующее. По словам Р. Гойковича, целых 48 его родственников были убиты от рук усташей (Гойкович 2018). Уста-

ши также убили прадеда В. Джукановича и деда его дяди (Ђукановић 2016). А. И. Филимонова говорит о множестве подобных случаев среди своих знакомых сербских историков и публицистов, причем часто в одной семье от геноцида пострадали десятки человек (Pravda.ru 2014). Тогда становится ясно, откуда идет столь негативное отношение к Хорватии у многих сербов. Они столкнулись с трагедией гибели множества членов своих семей от НГХ. Причем их члены семей вовсе не были бойцами сербской армии, а были именно мирными жителями, чья жизнь была прервана зачастую в молодом возрасте. Поэтому само слово «Хорватия» вызывает у таких людей тяжелые воспоминания о потере близких. В результате, объективно оценивать исторические события в сербохорватских отношениях им становится уже крайне сложно, и осуждение и неприятие хорватского государства (будь то НГХ или современная демократическая Хорватия) проявляется у них особенно остро. По той же причине им крайне сложно признать массовые преступления, совершенные сербскими войсками (причем не только над хорватами, но и над другими несербскими народами). Но в этом виновата политика геноцида, проводившаяся в НГХ, которая привела к тому, что потомки ее жертв сегодня пишут статьи и книги, где осуждают и современную Хорватию, не имеющую никакого отношения к геноциду. Если бы эти люди не потеряли своих родных и близких, их позиция по Хорватии сегодня могла бы быть гораздо более мягкой и взвешенной.

Здесь можно остановиться на вопросе о реальном числе погибших в усташском геноциде. Многие сербские ученые и публицисты осуждают приведение цифр геноцида, которые были бы ниже 700 тыс. человек, будучи убеждены, что тем самым наносится оскорбление сербским жертвам (см.: Ђурић Мишина 2019). Однако здесь есть риск впасть в другую крайность – значительно преувеличить число жертв и тем самым отойти от исторической истины и ошибочно приписать хорватам убийство множества сербов, которое они на самом деле не совершали. Сами хорватские журналисты и ученые, полностью признающие геноцид и резко осуждающие режим усташей (например, Драго Пилсел), особенно активно выступают против такого неосторожного завышения числа их жертв, поскольку весьма чувствительны к недостаточно обоснованным обвинениям (Mihajlović 2014). Ведь при таком преувеличении речь

может идти о «лишних» сотнях тысяч человек, а это означает огромный дополнительный и несправедливый груз ответственности на хорватском народе за то, что он не совершил. Чтобы не произошло такого невольного обвинения хорватов, как впрочем и неоправданного занижения числа жертв геноцида, необходимо всеми возможными способами оценить наиболее вероятное число погибших. Самым доступным и надежным представляется демографический способ расчета, поскольку речь идет об очень большом числе погибших, которое не может «скрыться» за колебаниями рождаемости и смертности. В этой работе не ставится задача оценить как можно более точное число убитых, поскольку для этого требуется отдельное исследование, а предпринимается попытка определить наиболее вероятный порядок цифр. В академической науке наиболее популярны расчеты серба из Черногории Боголюбa Кочовича и хорвата Владимира Жерявича, в основном совпадающие между собой. Они учитывают данные переписей 1931 и 1948 гг., естественный прирост населения по данным текущей статистики до 1939 г., а также дефицит рождений и эмиграцию. Нужно отметить, что официально принятое число погибших во Второй мировой войне на территории Югославии составляло 1,706 млн, однако это число было явно преувеличено, так как включало в себя в том числе и дефицит рождений, и использовалось коммунистическими лидерами, чтобы получить как можно больше репараций от Германии. С помощью анализа первой послевоенной югославской переписи американцы Пол Майерс и Артур Кэмпбелл установили, что реальное число погибших составляло 1,067 млн, то есть в 1,6 раза меньше официальной цифры. Позднее Б. Кочович и В. Жерявич пришли к сходным результатам, оценив число погибших, соответственно, в 1,014 и 1,027 млн, из них сербов – 487 и 530 тыс. (McDonald 2002: 160–161). Общее число убитых сербов, таким образом, оказывается значительно меньше, чем число якобы убитых сербов в НГХ, столь часто приводимое в сербской историографии. Существует ряд оценок числа всех убитых усташами сербов в НГХ, который бы попадал в эту область значений – от 200 тыс. до 390 тыс. (Бондарев 2017). Учитывая, что в Сербии и Черногории интенсивность сражений и убийств мирных жителей была намного ниже, чем в НГХ, но все-таки ощутимая, можно принять число погибших сербов в НГХ в размере порядка 350 тыс. Из них значительная часть не была

убита усташами, а погибла в ходе боевых действий или же была убита немцами и умерла от эпидемий – ее можно оценить в 100 – 150 тыс. Тогда получается, что число реальных жертв усташского геноцида вряд ли может существенно превышать 200 тыс. В крупнейшем концлагере Ясеновац, согласно широко признанным данным, было уничтожено около 80 тыс. человек, из них большинство – сербы (Mihajlović 2014). Таким образом, оценки числа жертв, равные 700 тыс., а тем более 1 млн сербов, являются многократными преувеличениями и частично могут быть основаны на восприятии сербами себя как народа, который всегда исключительно тяжело страдал и имел особенно большое число погибших. Фактически, получается, что предполагается убийство хорватами до 500 тыс. мирных сербов, которое они в реальности не совершали, и сербской историографии имеет смысл отойти от такого ненаучного завышения.

Вместе с тем, даже несмотря на такой пересмотр количества жертв, значение геноцида в НГХ ни в коем случае нельзя снижать. Он все равно остается крупнейшим эпизодом истребления сербов, а также крупнейшим массовым преступлением на Балканах в XX в., что связано с особой активизацией радикальных сил в хорватском обществе того времени в обстановке союза с нацизмом.

Проведенный анализ показывает, что к оценкам числа жертв, тем более в таком взрывоопасном регионе, стоит относиться весьма осмотрительно и по возможности проверять истинность тех или иных оценок, корректируя их в более правдоподобную сторону, особенно если есть возможность провести более-менее достоверный демографический анализ. Многократно завышенные числа жертв используются частью сербских националистов для обвинения хорватов в том, что якобы большинство их ненавидит сербов (Искра 2016), для того, чтобы представить хорватов вечно виновным и «геноцидным» народом, у которого поэтому можно отнять территорию и ресурсы. Такие манипуляции весьма опасны и могут привести к новым конфликтам.

Имеет смысл разобрать еще несколько заблуждений, относящихся к сербской истории военных конфликтов. Выше уже упоминалось о западной пропаганде, на которую очень часто ссылаются и сербские, и отечественные историки, обосновывая ею «несерьезность» обвинений сербских войск в преступлениях. В этой связи

может быть полезна книга А. Хебранга, где тот описывает процесс сбора весьма подробных и точных данных о погибших и тяжело раненых хорватских мирных жителях в многочисленных городах и деревнях в 1991–92 гг., который организовал он сам со своими коллегами. Хорватия также зарегистрировала 210 тыс. хорватов и других несербов, бежавших с оккупированной трети ее территории, учла сотни тысяч полностью и частично разрушенных домов, кварталов и других объектов, собрала свидетельства регулярного обстрела своей территории (было зафиксировано 30 тыс. артиллерийских обстрелов по самым густонаселенным районам, включая 5 тыс. обстрелов больниц) и разрушения больниц и поликлиник, которые совершались с целью лишить хорватов возможности лечить своих раненых (Hebrang 2013). Этот обширный доказательный материал по крайней мере в случае Хорватии опровергает тезис о «вымысленности» сербских массовых преступлений и наглядно иллюстрирует всю силу агрессии.

Существует также множество свидетельств по осаде Сараево, включая российские и сербские. В частности, есть 45-минутный фильм независимой сербской телекомпании VIN «Сараевская рулетка», снятый в 1995 г., где приводится ряд коротких интервью с жителями Сараево и показаны масштабы разрушений, а также трудная жизнь сербов, оставшихся в городе (Radio Slobodna Evropa 2015). Есть и свидетельство журналиста С. П. Грызунова, который в первой половине 90-х неоднократно приезжал в Сараево и видел, как все это время продолжались осада и обстрел города с холмов, которые контролировал Ратко Младич, когда каждый городской район находился в зоне досягаемости сербских снайперов, нарочно убивавших в основном мирное население. Школы, больницы, пекарни были закрыты, а жители города голодали, выживая за счет огородиков и гуманитарной помощи, и переживали постоянный стресс, так как нигде не могли чувствовать себя в безопасности (Рудаков 2014). Данные самих бошняков согласуются с этими свидетельствами и дополняют их. Врач Бакир Накаш, свидетельствуя в МТБЮ против Младича, заявил, что его армия намеренно обстреливала Государственную больницу, где он тогда работал. На больницу упало около 200 снарядов, а пациентов лечили в крайне тяжелых условиях, часто без электричества, воды и необходимых лекарств (Detektor 2013). О трагической судьбе сараевских детей рас-

сказывает боснийский политик Нихад Аличкович, который в возрасте 13 лет, находясь во дворе с друзьями, был ранен сербской гранатой и пережил 11 операций, чтобы восстановить свое здоровье, но полностью восстановиться не смог и получил инвалидность. Как он утверждает, в результате того взрыва были тяжело ранены его друзья, некоторые из них также остались инвалидами (Aličković 2015).

Массовые преступления над албанцами доказывает опрос 1,2 тыс. албанских домохозяйств (8,6 тыс. человек), проведенный в 2000 г. в Косово. Согласно ему, всего за 1998–99 гг. было убито 67 (64 % всех смертей), что при экстраполяции на все население составит около 12 тыс. человек (причем большинство убитых – гражданские лица, в том числе 90 % – мужчин), не считая 3,9 тыс. пропавших без вести. Среди убитых очень высока была доля мужчин старше 50 лет (их смертность от убийств была в 3,2 раза выше, чем у 15–49-летних мужчин), что говорит об их намеренном убийстве сербскими отрядами. Возможно, преследовалась цель массово убить пожилых мужчин-глав семейств, чтобы осложнить возвращение беженцев (Spiegel, Salama 2000).

Если говорить о более ранних эпизодах, заслуживают внимание свидетельства Анри Поззи о страданиях македонских болгар. Он в ходе своей поездки в Македонию познакомился с болгарами, которые потеряли здоровье в результате пыток, пережитых ими в сербских тюрьмах, беседовал с высокопоставленным сербом, который сообщил ему об устроенных его отрядами пытках и массовых убийствах крестьян, разговаривал с жертвами изнасилований и даже лично был свидетелем одного жестокого убийства (Pozzi 1994).

Если бы сербским ученым были известны данные свидетельства, их восприятие конфликта 1990-х гг. существенно изменилось бы, и они бы учитывали в работах факт существования значительного числа хорватских, албанских и болгарских жертв, а особенно – жертв среди боснийских мусульман. То же самое стоит сделать и хорватам, отрицающим геноцид усташей – выше были приведены свидетельства их союзников, немцев и итальянцев.

Разновидностью конспирологической версии о событиях в бывшей Югославии является утверждение, что хорватская и боснийская армии якобы по инструкциям Запада сами убивали своих мирных жителей, чтобы создать у своего народа ненависть к сер-

бам, которые не желали никого убивать. В частности, утверждает-ся, что хорваты сами обстреляли Дубровник, а югославская армия, наоборот, пыталась спасти мирных жителей от хорватских войск, или же что президент Изетбегович сам осадил собственную столицу, чтобы обвинить сербов в страдании ее жителей, а мусульманские силы сами убили 37 человек на рынке Маркале в августе 1995 г., чтобы дать повод мировому сообществу обвинить сербов. В эти утверждения верит очень большое число рядовых сербов (Ramet 2007).

С версиями о западном вмешательстве и о выдумывании несуществующих сербских преступлений тесно связана и очень распространенная версия о Гаагском трибунале как орудии антисербской политики Запада. На ней стоит остановиться подробнее.

Кровавые войны в Югославии создали беспокойство у мирового сообщества и породили необходимость создания высшего судебного органа, который провел бы всестороннее объективное расследование происходившего и наказал виновных. Еще в 1993 г. в Гааге был создан Международный трибунал по бывшей Югославии при ООН (МТБЮ), за создание которого проголосовали все члены Совета безопасности, в том числе Россия. В его задачи не входило определить, кто виноват в развязывании войн, а только наказать политических и военных лидеров, виновных в военных преступлениях, убийствах и изгнании мирных жителей. Работа Трибунала затянулась до конца 2017 г., когда были завершены некоторые важные процессы. После этого немногие оставшиеся дела были переданы Международному остаточному механизму для уголовных трибуналов.

Каковы же результаты деятельности Трибунала? За время его работы вынесено 7 пожизненных приговоров, и все – сербам. Всего сербы получили 1138,5 лет заключения, хорваты – 249, бошняки – 42, албанцы – 13, один македонец – 12 (Telegraf 2019).

Одним из наиболее спорных случаев считается процесс против хорватских генералов Анте Готовины и Младена Маркача, которые командовали операцией «Буря» в 1995 г. Хотя они были осуждены в апреле 2011 г. на 24 года и 18 лет тюремного заключения за убийства и депортацию сербского населения, тем не менее в ноябре 2012 г. генералы были оправданы и вышли на свободу. Сербский юрист Марко Миланович утверждает, что приговор ошибочен, по-

скольку апелляционная палата не учла весь контекст событий и сосредоточила свое внимание только на одном преступлении (целенаправленный обстрел жилых домов), сочтя, что его не было, и на одном этом основании решила, что не было и других преступлений. Кроме того, впервые в практике МТБЮ наблюдался такой малый разрыв (3 судьи были за освобождение, а 2 – против) и впервые несогласные с решением судьи так жестко критиковали приговор (Milanović 2015). С этим не согласен хорватский историк и глава Хорватского мемориально-документационного центра Отечественной войны Анте Назор, который полностью поддерживает приговор Гаагского трибунала. Он утверждает, что все документы, имеющиеся в распоряжении у хорватской стороны по поводу Готовины и Маркача, говорят, что речь идет о честных людях, которые не имели намерения совершить преступление. Кроме того, по утверждению А. Назора, существуют сербские документы и фотографии, показывающие, что Книн (центр Сербской Краины) не был разрушен (Dnevnik.hr 2010). Дубравка Стоянович высказала свою версию причин освобождения главнокомандующих хорватской армии, указывая на то, что наряду с ними был освобожден и главнокомандующий сербской армии Момчило Перишич, который, по ее убеждению, тоже виноват в серьезных преступлениях. Тем самым суд по каким-то причинам решил снять вину с ведущих офицеров хорватской и сербской стороны (Karabeg 2013).

У большинства сербов вызывает очень большую горечь освобождение не только хорватских генералов, но и боснийского офицера Насера Орича и албанского полевого командира Рамуша Харрадина, подозреваемых в массовых убийствах многих сотен безоружных сербов. Это используется сербскими учеными и публицистами в качестве обоснования открыто антисербского характера суда, когда были осуждены только сербские преступники, а тех, кто совершал преступления над сербами, отпустили на свободу. Многие в этой связи даже считают, что и сами осужденные сербские лидеры все были невиновными и не совершали никаких преступлений, а осуждены Трибуналом для того, чтобы нанести сербскому народу как можно большее унижение и продемонстрировать сербам, что их убийцы пользуются открытой поддержкой Трибунала и стоящих за ним западных сил, а вот всех тех, кто защищал сербский народ, осудят, даже если они полностью невиновны. По

их словам, уже сама сербская национальность обвиняемых предопределяет их осуждение на длительные сроки заключения (Станевич 2012; Radisavljević 2012).

Такой подход, рассматривающий Трибунал как орган, созданный исключительно для фарса и подавления сербского народа, что-то вроде современной инквизиции для сербов, представляется глубоко неправильным. Как было сказано выше, существуют серьезные доказательства вины прежде всего Ратко Младича, а также офицеров, разрушивших Вуковар. Десятки тысяч жертв среди боснийских мусульман, албанцев и хорватов указывают на виновность и ряда других осужденных сербских офицеров, поскольку такой масштаб убийств не мог быть реализован без планирования и координации со стороны высших военачальников. А. Хебранг говорит, что он и другие участники обороны Хорватии смотрели в бинокли на сербских офицеров, руководивших обстрелом хорватских больниц (N1 Hrvatska 2016), а некоторые из них оказались впоследствии в МТБЮ. По данным, которые собрал журналист А. Шарый, сами судьи в Трибунале достаточно компетентны и объективны, в чем не сомневаются серьезные правоведаы, и невиновных в нем не осуждают. Для обвиняемых созданы очень комфортные условия, родственники и друзья могут их навещать, за их здоровьем следят. Но вот к некоторым руководителям суда могут быть определенные вопросы (Шарый 2003). Примерно то же утверждает и много лет работавшая в Гааге боснийский адвокат Сенка Ножица, добавляя, что на Трибунал оказывалось определенное влияние международной политики (YouTube 2018b). Она же дает и объяснение, почему в Гаагском трибунале было осуждено так мало преступников, убивавших сербов: из 380,5 лет, на которые осуждены все хорваты и боснийские мусульмане, только 45 лет или всего 14 % составили наказания за преступления над сербами (Srpskainfo 2019). Она видела по телевизору выступление членов правительства Республики Сербской в 1993 г., когда они признались, что сербская сторона сознательно не вела статистику своих жертв, потому что сербы были убеждены, что победят в этих войнах. В результате, сербы отправили в Трибунал очень мало уголовных дел, так как не смогли документально доказать массовые убийства своего мирного населения, которые, вне всякого сомнения, имели место в 1990-х гг. (YouTube 2018b). По некоторым данным, в деле Харадиная до 10

свидетелей обвинения погибли при странных обстоятельствах, а сам он признавался в убийстве сербских гражданских лиц и нелояльных албанцев. Кроме того, бывший главный прокурор МТБЮ Карла дель Понте считала Харадиная военным преступником (Искендеров 2012). Впрочем, по данным сотрудника белградского Фонда по гуманитарным правам Немани Степановича (который считает, что Харадинай скорее всего виновен), причинами его освобождения были не только несомненные угрозы и даже убийства свидетелей, что помешало процессу, но и предоставление Сербией в Гаагский суд показаний, которые, как выяснилось на суде, были получены от свидетелей-албанцев под давлением и были отвергнуты МТБЮ. Определенная доля вины была и на самом суде: дело вели далеко не самые профессиональные прокуроры (Stjepanović 2016). Что же касается Насера Орича, то он после освобождения был снова отдан под суд – на этот раз Боснии и Герцеговины, но и в этом случае в итоге был оправдан. Однако Ибран Мустафич, один из основателей Партии демократического действия, обвиняет Орича в преступлениях не только над сербами, но и над своими боснийскими мусульманами (РТС 2013). По данным Центра по исследованию войны и военных преступлений Республики Сербской, всего в 1992–95 гг. во всем регионе Подринья – зоне боевых действий отрядов Орича – было убито 387 сербов – мирных жителей. Эта цифра регулярно преувеличивается сербскими источниками (и высшими властями Республики Сербской) до 3,3 тыс. человек (Puhalo 2017), поскольку в нее, по всей вероятности, ошибочно включаются убитые вооруженные лица в гражданской одежде.

Среди заметной части хорватского общества, как в Хорватии, так и особенно в Боснии и Герцеговине, был чрезвычайно негативно встречен приговор шести руководителям бывшей Герцег-Босны, включая генерала Слободана Праляка, который совершил самоубийство в зале суда. Их осудили за все возможные военные преступления (правда, за исключением геноцида), что вызвало возмущение у многих консервативных хорватских историков и публицистов, которые убеждены в их невинности (Lujanić 2018).

Все эти спорные случаи заслуживают дальнейшего тщательного исследования. Но в целом о Гаагском трибунале можно сказать, что он, с одной стороны, осудил наиболее тяжелых преступников,

что, скорее всего, не произошло бы, если бы суд не был сформирован. В этом заключается его весьма позитивный результат, особенно если вспомнить, что после Второй мировой войны наиболее известные усташи, а также некоторые командиры четников, виновные в преступлениях, эмигрировали на Запад и не понесли наказания. Кроме того, был собран огромный массив оригинальных документов и архивных материалов по событиям 1990-х гг., представляющий колоссальную ценность для исследователей. Но с другой стороны, некоторые люди, ответственные за преступления, по всей видимости, были освобождены или же вообще остались без внимания со стороны суда. За это несет ответственность как сторона защиты, не предоставившая достаточно доказательств их вины, так и некоторые представители руководства суда, занимавшие пристрастную позицию.

Серьезное недовольство у сербов, в частности, вызвало то обстоятельство, что среди политических лидеров трех воевавших государств был обвинен только Милошевич, а Туджмана и Изетбеговича Трибунал проигнорировал. Впрочем, существует мнение, что против Туджмана также завели бы дело, если бы он несколько дольше прожил (он умер в 1999 г. [Шарый 2003]).

Если говорить о реальном поведении этих трех президентов по отношению к национальным меньшинствам, то в случае Слободана Милошевича сам он заявлял, что лишь защищал свою страну и народ от истребления, а также утверждал о полной невинности сербской армии и полиции, говоря, что сербская традиция рассматривает безоружных и пленных как святыню, и подавляющее большинство сербских военных и полицейских тщательно следуют этой традиции, воздерживаясь от таких убийств (Шарый 2003: 141). Но имеется версия о его причастности к массовым преступлениям над косовскими албанцами. Узнав об огромных масштабах исхода албанцев, встревоженный глава ОБСЕ Курт Воллебэк спросил у Милошевича, что случилось. Югославский президент начал объяснять, что ничего страшного не происходит, а албанцы всего лишь уезжают на пикник. В ответ тот ему возразил, что очень странно ехать на пикник на тракторном прицепе вместе со всеми своими вещами и что скорее всего этих людей выгнали из своих домов (тем более, что об этом свидетельствуют сообщения международных наблюдателей), на что Милошевич заявил, что председатель ОБСЕ обманут

пропагандой CNN. Также, именно Милошевич решил замести следы преступлений путем уничтожения тел жертв, а также отвоза тел в Белград и его окрестности, где они были захоронены в тайных братских могилах (Sense... 2017). Хрвое Шаринич, премьер-министр Хорватии в 1992–93 гг., который в качестве представителя Туджмана вел с Милошевичем переговоры, отмечал, что тот всегда пытался делать вид о своей полной непричастности к событиям в Сербской Краине и представлял себя в качестве миротворца, но тем не менее он был информирован о подробнейших деталях происшедшего в ней, что, по словам Шаринича, говорит о полном контроле Милошевича за всем, что происходило в этой непризнанной республике, а значит, и о его непосредственном участии в агрессии на Хорватию и преступлениях, совершенных в ней (Vajruši 2004).

Что касается поведения Франьо Туджмана и его отношения к крупнейшему в Хорватии сербскому меньшинству, то на этот счет нет однозначного мнения: существуют очень разные, даже полностью противоречащие друг другу свидетельства. Так, хорватский художник Эдо Муртич рассказывает о своей встрече с Туджманом в 1990 г., когда тот начал ему восторженно говорить о своих планах по «решению сербского вопроса» и продолжению политики Павелича и НГХ: половину сербов он намеревался заставить перейти в католичество или убить, а другая половина должна будет собрать чемоданы и уехать (Корац 2017). Сербские общественные деятели считают, что речь Туджмана перед своими генералами незадолго до начала операции «Буря» свидетельствует о его ясном желании изгнать сербское население, поскольку там упоминалось, что сербские гражданские лица будут уходить из Хорватии (B92 2007). Но А. Хебранг говорит о том, что он и другие высокопоставленные участники операции «Буря» получили от Туджмана четкий приказ о защите невооруженных сербов при проведении этой операции, сопровождавшийся словами «Зачем нам нужны пустые хорватские земли?» (Hebrang 2013: 153). В то же время, в августе 1995 г. Туджман выразил неудовольствие, что в г. Карловац из 22 судей до сих пор целых 7 составляют сербы. В своей речи в 1998 г. хорватский президент говорил, что в Хорватии больше нет 12 % сербов и 6 % югославы, что было опасно для свободного развития страны. Теперь, продолжал он, доля сербов упала до 3 %, и поэтому они больше не представляют угрозу для хорватского государ-

ства (Livada 2013). Из этих речей создается впечатление, что Туджман был рад массовому исходу хорватских граждан сербской национальности, считая, что они неспособны полюбить Хорватию. Но по свидетельству Мате Гранича, который в 1993–2000 гг. был министром иностранных дел, Туджман на практике делал противоположное, поскольку в мае 1998 г. разрешил ему начать процесс возвращения хорватских сербов (Mazzocco 2011).

Насчет поведения Алии Изетбеговича имеется свидетельство члена партии СДП Мироз Лазовича, который провел рядом с президентом много лет. Тогда войска Младича захватывали Сребреницу и возникла угроза геноцида над беззащитным населением этого города. Лазовичу пришло письмо от группы боснийских мусульман родом из Сребреницы с угрозами, что в случае уничтожения жителей Сребреницы в отместку за их гибель будут убиты все сараевские сербы и хорваты. Он отправился с этим письмом к Изетбеговичу, который собрал у себя представителей Сребреницы и решительно сказал им: Что бы ни случилось с нашим народом в Сребренице, в Сараево не должен пострадать ни один серб и ни один хорват. После этого они отказались от своих намерений (Ћабаравдић 2008). Этим примером Лазович иллюстрирует бережное отношение боснийского президента к мирным жителям других национальностей и его решимость защищать их даже в случае истребления их армиями боснийских мусульман.

После всего приведенного материала о кровопролитных войнах с десятками и даже сотнями тысяч жертв неизбежно встает вопрос о причинах столь большого числа погибших. Важным фактором кровопролитных конфликтов с высоким числом жертв, в том числе среди мирного населения, считается очень высокая доля молодежи во взрослом населении – «молодежный бугор». При этом, чем ниже уровень образования населения, тем больше риск особо кровавых конфликтов (см. Коротаев, Зинькина 2011). Роль этого фактора действительно была значимой в некоторых случаях, например, у косовских албанцев в 1990-х гг. Однако наиболее тяжелые эпизоды массового истребления в бывшей Югославии происходили там, где население давно прошло стадию высокой рождаемости и в нем, очевидно, уже не было «молодежного бугра»: Хорватия в 1940-х и регионы с сербским большинством в 1990-х гг. То же самое, впрочем, справедливо и в отношении нацистской Германии, ответ-

ственной за развязывание наиболее кровопролитных войн и геноцидов в Европе XX века. Значит, основными факторами кровопролития были какие-то другие.

Одной из очевидных причин массовых преступлений над гражданскими лицами следует назвать крайнюю бедность (обычно сочетающуюся с крайне низким уровнем образования) и плохое снабжение солдат во время войны, когда они в поисках еды и одежды начинают грабить дома, убивая сопротивляющихся этому людей. Этими причинами, прежде всего катастрофически плохим снабжением солдат, была вызвана жестокость турецких солдат и жандармов в Македонии в первом десятилетии XX в. (Сквозников 2010: 99). Вероятно, во Второй мировой войне множество преступлений также были совершены по этим причинам. К началу 1990-х гг., когда из-за постоянного роста уровня жизни и образования число пауперизованного населения было небольшим, некоторыми политиками из всех сторон конфликта, особенно С. Милошевичем, специально создавались полувоенные отряды из криминальных элементов и людей, которые стремились нажиться на войне. Эти отряды ответственны за наиболее жестокие преступления (Шарый 2003).

Однако высокопоставленных политиков и высших офицеров, планировавших геноцид и этнические чистки, отдававших такие приказы, а иногда и лично участвовавших в убийстве мирных жителей, никак нельзя отнести к страдающим от крайней бедности и недоедания, и уровень образования у них был в целом заметно выше, чем в среднем у населения (именно благодаря своей образованности они отлично знали, что их действия недопустимы и неприемлемы, и изо всех сил старались, чтобы обычные граждане и мировое сообщество не узнали об их преступлениях). Самый большой геноцид был совершен на территории НГХ, хотя хорваты столетиями находились под влиянием западной культуры отличались значительно более высоким уровнем образования, чем сербы, боснийские мусульмане или албанцы. Значит, в развязывании конфликтов действительно огромную роль играет межнациональная ненависть как независимый фактор, и поэтому во всех государствах региона имеется повышенный риск прихода к власти людей, готовых совершать преступления, что ярко продемонстрировало XX столетие. Сам приход таких людей на важные государственные

позиции у того или иного народа является, безусловно, случайностью. Действительно, разве кто-нибудь мог предположить, что к власти в весьма экономически и культурно развитой Хорватии в 1941 г. придут откровенные шовинисты, которые зальют кровью Югославию и организуют убийство сотен тысяч людей, или что на пороге XXI века во главе сербской армии, внесшей огромный вклад в борьбу с фашизмом, вдруг окажется генерал, который будет средневековым способом совершать убийство десятков тысяч мусульман? Но в целом очень большая частота эпизодов организованных сверху массовых преступлений говорит о закономерности таких случаев в бывшей Югославии. Подобным образом, наличие политических и военных лидеров, строго соблюдающих международное право и гуманно относящихся к гражданским лицам, тоже не является свойством того или иного народа (как принято считать многими учеными в отношении сербов), а определяется волей случая.

Здесь следует сказать, что рассматриваемые народы, в основном, чрезвычайно близки между собой: у них относительно взаимопонимаемые или даже полностью одинаковые языки, очень сходная кухня, одежда, обычаи, образ жизни, они веками жили по соседству друг с другом и хорошо друг друга знают. А уровень агрессии и вражды наиболее силен как раз в том случае, когда между людьми наблюдается очень большое сходство. Тогда незначительные различия искусственно резко преувеличиваются, а борьба между ними ведется с очень сильной злобой (Назаретян 2007: 89–90). Именно такой паттерн поведения и наблюдается у народов бывшей Югославии, что приводит к особой кровопролитности возникающих между ними конфликтов. Поэтому не только бедные, но и некоторые состоятельные люди заражаются ненавистью к другим народам и религиям и идут на тяжелые преступления. Надо учесть, что в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии, несмотря на их смешанный этнический состав, в мирное время наблюдается очень низкий уровень убийств (1,1–1,4 убийства на 100 тыс. человек в 2013 г. или в 3–4 раза ниже, чем в США). Это говорит об отсутствии проблемы острого межэтнического насилия у этих народов в спокойной обстановке (Гуманитарные технологии 2019). Очевидно, что межнациональная ненависть проявляет себя в резких формах в основном во время войн, когда в

условиях развала государства радикально настроенные люди получают возможность открыто проявить свои взгляды и начинают грабить и убивать представителей других народов и религий, надеясь на свою безнаказанность. То, что такие люди составляют меньшинство, ясно говорят социологические исследования, согласно которым, например, только 20 % хорватов по-настоящему ненавидит сербов и хотели бы выгнать их из страны (Gašćić 2018), а реально убивать представителей других народов готова еще меньшая доля людей. Но даже небольшая группа вооруженных радикалов может принести неисчислимые беды мирному населению.

Очевидным образом, преступления провоцирует и пропаганда, направленная против других народов, как можно было видеть на примере сербов в Хорватии, а также хорватов и болгар в Сербии. Эта пропаганда весьма опасна, если учитывать, что из-за множества межнациональных войн значительная часть семей в бывшей Югославии потеряла своих родных и близких в результате войн, причем в основном речь идет о безоружных людях. Поэтому, например, если потомки жертв геноцида в НГХ постоянно сталкиваются с утверждениями о хорватах как о народе, способном лишь на преступления и геноцид, что еще больше обостряет их переживания, то они могут действительно начать ненавидеть всех хорватов. То же самое могут сделать и люди, у которых никто не пострадал от геноцида, но есть друзья и знакомые, в чьих семьях есть жертвы. Среди всех этих людей может оказаться некоторое количество радикалов, готовых лично убивать хорватское мирное население как месть за геноцид, что и произошло в 1991 г. во время агрессии на Хорватию. Нежелательно также резко преувеличивать число убийств, даже если это делается по ошибке, как в случае с геноцидом в НГХ. Ведь тогда может сложиться впечатление, что раз этих убийств невероятно много, то в них принимал участие весь народ. А значит, к целому народу может появиться презрение, ненависть и желание ему отомстить.

Представляется, что важным фактором кровопролитных конфликтов является также отрицание доказанных преступлений и прославление виновных в них политиков и офицеров. Представители тех или иных народов, отрицая совершенные их армией массовые убийства и восхищаясь их организаторами (с их точки зрения – вовсе не массовыми убийцами, а несправедливо обвиненны-

ми героями), обычно руководствуются надеждой, что их армия и власть во всех конфликтах очень хорошо себя ведут и просто не могли совершить подобные преступления. Но представители народа-жертвы этих преступлений, особенно если в их семьях есть погибшие, обычно воспринимают такое отрицание вовсе не как надежду, что армия противника вела себя по-джентльменски, а наоборот, как поддержку преступлений и восхищение убийцами, то есть в высшей степени серьезное оскорбление. В результате между народами возникает недоверие, переходящее в презрение и ненависть («разве может нормальный народ восхищаться убийцами?»), из которой могут вырасти новые преступления. В них, конечно, виноваты не те, кто отрицает (по незнанию), а те, кто их совершает. В частности, по этой причине некоторые болгарские члены ВМРО одобряли нападения на мирное сербское население (поселенцев), поскольку эти сербы получили землю и дома от югославского правительства, то есть считали справедливым захват Македонии и уважали власть, а значит, с точки зрения болгар, поддерживали убийства и прославляли убийц, и болгарские радикалы решили, что сербы должны заплатить за это (Pozzi 1994).

Можно посмотреть на военные преступления под другим углом, а именно, проанализировать положительные примеры поведения войск или отдельных выдающихся личностей, направленные на предотвращение военных преступлений или помощь угнетенным народам. Если говорить в целом о поведении тех или иных войск, то, как уже упоминалось, по оценке авторов Специальной международной комиссии, меньше всего преступлений в Балканских войнах совершили болгарские войска (в частности, изнасилования случались достаточно часто среди солдат армий региона, но заметно реже – у солдат болгарской армии). Это отличие, как пишут авторы доклада, связано с патриархальным характером воспитания болгар, которое формировало у них выраженную скромность и дисциплинированность. В частности, гречанки не боялись болгарских солдат и даже прозвали их «девушками в шинелях». Болгарские офицеры, в заметной части, также старались не допускать преступлений. Так, Комиссия опубликовала два приказа болгарских высших офицеров, адресованных своим солдатам в Македонии, в которых говорилось о запрете совершать преступления, которые позорят болгарский народ, и неотвратимости наказания для

преступников. В результате, после доведения приказов до сведения военных, число преступлений против мирных жителей (грабежей и убийств) резко уменьшилось, а часть виновных была схвачена и подверглась суровым наказаниям. Об этом Комиссии сообщили представители македонских турок, которые сразу после появления болгарских войск подверглись серьезным преступлениям, а затем это прекратилось, и они смогли продолжить нормальную жизнь и под болгарской администрацией (Carnegie... 1914). Этот вывод подтверждается и материалами Д. Мишева, который в уже упоминавшемся письме Н. Пашичу приводил примеры отзывов главарей сербских разбойничьих банд (то есть непримиримых врагов болгарского народа), где они признаются, что поведение болгарских солдат, с которыми они сталкивались на войне, было в целом приличным (Билярски 2012). Кроме того, болгары в течение долгих веков жили рядом с серьезно отличающимися от них по религии и обычаям народами – прежде всего, с переселившимися в Болгарию турками, и вместе с ними занимались крестьянским трудом и организовывали хозяйственную жизнь (Гришина 2008: 33). Этот факт также, безусловно, положительно повлиял на толерантность болгар к другим народам, а значит, и на их отношение к противнику на войне. Стоит сказать, что среди балканских государств именно в Болгарии, в отличие от Греции и Сербии, осталось значительное количество мусульманского, в том числе турецкого населения, которые проживали там до освобождения³. Хотя, несомненно, идеи фашизма, которые распространились среди некоторой части болгарских солдат и офицеров во Второй мировой войне и толкали их на массовые преступления над безоружными сербами и греками, бросили тень на репутацию болгарской армии (впрочем, массовое и неконтролируемое совершение преступлений было свойственно практически всем армиям на Балканах во Второй мировой войне, и в ряде случаев армии других государств совершили намного больше преступлений, чем болгарская).

³ Впрочем, эпизод массового изгнания значительной части (360 тыс.) турок и болгар-мусульман из Болгарии все-таки произошел под непосредственным руководством президента Тодора Живкова в 1989 г. В результате болгарская экономика лишилась множества рабочих рук и в стране начался тяжелый кризис и всплеск инфляции. Но уже через год, в 1990 г., после падения коммунизма, до 40 % изгнанных вернулась в свои дома (Каменов 2019).

Среди других положительных примеров следует отметить Хорватию в 1991 г. Тогда в стране в тяжелых условиях была создана фактически с нуля военная медицина (*санитет*) по образцу некоторых других европейских стран. Ее организовал и развивал А. Хебранг вместе с другими врачами-добровольцами. Всего в нем работало 6 тыс. врачей и медсестер. Врачи отличались очень высоким профессионализмом, изобретательностью и большой любовью к работе. Чтобы минимизировать военные потери, они отправлялись на фронт вместе с солдатами и постоянно были рядом с ними, готовые в любой момент оказать первую помощь и психологически поддержать. При особо опасных акциях военных сопровождали передвижные бригады хирургов. Между врачами и военными сложились очень доверительные отношения. Это привело к тому, что хорватской военной медицине удалось достичь исключительно хороших результатов. Смертность среди всех раненых составила всего 1,4 % – лучший в мире результат военной медицины. Среди самих врачей погибло 0,2 %. В военное время несколько парадоксальным образом снизилось число инфекционных заболеваний благодаря особо серьезному контролю еды и воды (Hebrang 2016). Высоки были и морально-этические принципы хорватских медицинских работников: они с одинаковым энтузиазмом лечили и своих солдат, и солдат противника, не делая между ними различия. При этом, для раненых сербских солдат выделялись отдельные палаты в больницах, а военная полиция защищала их от возможных провокаций хорватских военных. По словам Хебранга, он сам часто посещал этих раненых сербов, чтобы убедиться в соблюдении их прав, и не было ни одной жалобы на действия военной полиции. Кроме того, *санитет* предпринял большие усилия по предотвращению военных преступлений. Несмотря на массовые убийства хорватов сербскими войсками, было принято решение обучать хорватских солдат и офицеров всем правилам ведения военных действий, чтобы они отличались от сербской армии в лучшую сторону и не совершали преступлений над сербскими пленными и мирными жителями. Главный отдел военной медицины издал в мае 1991 г. брошюру, где были приведены все соответствующие международные документы (Женевские конвенции 1864–1949 гг. о положении раненых, пленных и гражданских лиц и дополнительные протоколы к ним). Постоянно проводилась разъяснительная работа с офи-

церами. Такой подход привел к тому, что число убитых мирных сербов хорватскими войсками оказалось на порядок ниже, чем число убитых хорватов сербскими войсками (Hebrang 2013). Все это говорит о полной несостоятельности утверждения о якобы вечно присущей хорватским войскам жестокости. Если в 1940-е гг. хорватские войска в результате ряда факторов действительно совершили больше всего преступлений, то в 1991 г. – в год наиболее интенсивных боевых действий – хорватами наоборот были предприняты в высшей степени серьезные усилия для полного недопущения подобного рода преступлений.

Но тем не менее Хорватии не удалось добиться от всех своих офицеров соблюдения правил военных действий. В частности, в 2001 г. хорватские суды осудили двух генералов (Мирко Нораца и Тихомира Орешковича), а в 2016 г. – одного полевого командира (Томислава Мерчепа) за преступления над сербскими гражданскими лицами (Пивоваренко 2015: 316). В частности, М. Нораца считают виновным в убийстве более 100 мирных жителей, в основном сербов, в г. Госпич в октябре 1991 (Шарый 2003: 133). Неясно также, как было организовано обучение огромной массы (183 тыс.) хорватских военных, участвовавших в операции «Буря». Видимо, оно было недостаточно хорошо осуществлено, на что косвенно указывает большое количество преступлений над сербами. Как сообщает М. Гранич, он в начале сентября 1995 г. просил Туджмана сделать все, чтобы остановить преступления, а президент отвечал, что очень тяжело контролировать такое количество солдат (Mazzocco 2011). Но все же, процент солдат и офицеров хорватской армии, участвовавших в преступлениях в начале 1990-х гг., был, по всей вероятности, гораздо меньше, чем, скажем, в ЮНА или АОК. Кроме того, хорватская Католическая церковь в лице своих представителей повела себя гораздо лучше, чем во Второй мировой войне. Так, кардинал Франьо Кухарич в своих проповедях во время агрессии на Хорватию в августе 1991 г. говорил солдатам, что они не имеют права уничтожать дома и церкви сербов даже если их собственные дома и церкви разрушены, а также что им нельзя убивать мирное сербское население даже в том случае, если сербские солдаты убили членов их семьи (Nazor 2011: 80). Можно также вспомнить врача Ивана Шретера, который получил широкую известность как миротворец, всячески старавшийся погасить кон-

фликт между сербами и хорватами в своем г. Пакрац, за что его называли хорватским Ганди. И. Шрeтер был в августе 1991 г. схвачен сербскими отрядами и убит (Jukić 2018).

В случае Боснии и Герцеговины стоит привести в пример генерала В. Каравелича. Когда он узнал о массовых убийствах сараевских сербов, которые совершала группа боснийских солдат и офицеров, он пошел к А. Изетбеговичу и потребовал у него полномочий для расследования преступлений, и после получения его согласия в октябре 1993 г. расформировал виновный в преступлениях отряд и наказал преступников, при этом из-за сопротивления отряда погибли девять полицейских. Каравелич утверждает, что эта весьма сложная операция по остановке преступления непосредственно во время военных действий показывает приверженность боснийского руководства принципам демократии и уважения к другим народам. При этом, по его словам, ни одна другая армия на территории Боснии – ВРС, ХСО или войска Автономной области Западная Босния, – не предприняли подобных действий, чтобы остановить своих преступников, хотя их военные совершали гораздо более масштабные и тяжелые преступления (Sokolija 2017). Более ранний эпизод защиты мирного сербского населения произошел в 1941 г. Тогда авторитетные боснийские мусульмане (судьи, духовенство, торговцы, чиновники, члены гуманитарных организаций) в крупных городах принимали многочисленные декларации против геноцида хорватов-ушастей и присоединившихся к ним маргиналов-мусульман над сербами. В частности, Сараевскую декларацию, принятую в октябре 1941 г., подписало 97 человек (Intermagazin 2013).

Говоря о положительных примерах со стороны сербов, надо сказать, что сербский патриарх Павел был также против преступлений и в своем интервью резко осуждал убийство мирных жителей и разрушение церквей и мечетей. Он также признавал, что в Косово страдали не только мирные сербы, но и албанцы (Senica.ru 2012). В апреле 1995 г. осажденное Сараево посетила группа из 38 известных сербских политиков и интеллектуалов, в том числе Иван Стамболич, находившийся в оппозиции С. Милошевичу и убитый в 2000 г., и члены Сербского движения обновления (СДО), чтобы выразить свою поддержку и сочувствие его жителям, чья жизнь находилась под угрозой (Radio Slobodna Evropa 2015). Члены СДО

также участвовали в антивоенной демонстрации в Белграде против осады Сараево. Этим опровергаются опасения, что при признании преступлений вина может лечь на весь сербский народ: самые выдающиеся и информированные его представители ясно показали, что они против проводившейся политики и всей душой сочувствуют жертвам. Здесь надо вспомнить и Либеральный союз Черногории, который в 1991 г. собирал массовые митинги протеста против агрессии на Дубровник и Вуковар, а в 1992 г. проводил антивоенные демонстрации против агрессии на Боснию и Герцеговину (Nakić 2019).

Если перейти к более ранним периодам времени, следует отметить эпизод из Второй мировой войны, рассказанный Р. Гойковичем. Тогда его родственники жили в деревне Юговичи. В то время много мусульман из соседних деревень примкнули к усташам и стали убивать сербов. На Рождество 1942 г. в селе Придворица было зверски убито более 160 человек, большинство из которых были родственниками жителей деревни Юговичи. А в Юговичах в окружении сербов жила одна мусульманская семья, некоторые мужчины из нее были в отрядах усташей. Так как множество людей потеряли в той резне своих близких родственников, семья мусульман испугалась, что сербы из мести могут ее убить, но сербские крестьяне поклялись, что не будут ее трогать. Сербские свое обещание сдержали и оставили семью в живых, за что ее потомки благодарили жителей деревни и через несколько десятилетий (Гойковић 2018).

В 1920-х – начале 1930-х гг., когда осуществлялись массовые убийства македонских болгар, сербский епископ Николай Велимирович, чья кафедра находилась в Охриде, стал заботиться о простых болгарях и других жителях Македонии – раздавал деньги нуждающимся (христианам, мусульманам и иудеям), создавал бесплатные столовые, приюты для детей, защищал их от произвола местных чиновников (Видовдан 2018б; Димитријевић 2013).

Среди албанцев позитивный пример в плане отношения к другим народам представляет собой Ибрагим Ругова – лидер ненасильственного сопротивления режиму Милошевича. Он, в отличие от радикалов из АОК, выступал за полное соблюдение прав сербов, предоставив им места в своем «параллельном» парламенте и гарантировав им полное равноправие (Bellamy 2000).

Таким образом, в очень тяжелой истории бывшей Югославии XX века можно найти и весьма позитивные примеры взаимопомощи представителей разных народов и защиты гражданского населения отдельными личностями в условиях их притеснений и убийств.

Что касается рекомендаций по предотвращению столь масштабных убийств мирного населения в будущем, прежде всего представляется необходимым обучать армии всех государств о необходимости соблюдать правила обращения с гражданским населением, как это было сделано, например, в Хорватии в 1991 г., в армии югославских партизан в 1941–45 гг. и до некоторой степени в Болгарии в Первой балканской войне. Многие солдаты и офицеры в бывшей Югославии по-видимому надеялись, что об их преступлениях никто ничего не узнает. Но в современную эпоху видео и Интернета массовые преступления больше невозможно скрыть, и рано или поздно о них станет известно вначале ученым-специалистам, а затем – и более широкой части общества. Неизбежность раскрытия массовых преступлений через определенное время также необходимо принять во внимание при ведении военных действий. А значит, чтобы армии не дискредитировали себя в глазах людей, которые впоследствии будут анализировать их действия, им надо воздержаться от убийств мирных жителей. Выше был приведен случай болгарских высших офицеров, опасавшихся, что военные преступления приведут к потере чести болгарской армии. Такой же подход должен быть и у других армий региона.

Весьма важной представляется работа и на уровне общества, особенно с подрастающим поколением – школьниками старших классов и студентами. У них надо воспитывать толерантность и взаимоуважение, а прежде всего – умение слушать точку зрения других народов на те или иные события и относиться к ней с уважением. Такого рода воспитание поможет людям даже в условиях войны воздержаться от убийств женщин и детей противника. Те люди, которые поддерживают убийство или выселение представителей тех или иных народов и религий, или же считают их неполноценными, должны подвергаться осуждению со стороны общества. Крайне важно, чтобы в общении с представителями других народов люди старались не затрагивать те темы, которые могут им принести боль и вызвать негативные чувства. Например, если не-

кий серб убежден, что геноцида в Сребренице не было, то ему нельзя провоцировать боснийских мусульман, демонстративно отрицая перед ними события в Сребренице, а следует наоборот всячески избегать этой темы в разговоре с ними, даже если он искренне надеется, что сербы этого преступления не совершали: его надежда будет воспринята бошняками как провокация, серьезная обида и пренебрежение к их страданию, или, еще хуже, как одобрение геноцида. Иначе наступят (и уже наступают) очень опасные последствия. Видя, как сербы постоянно отрицают геноцид и прославляют Младича, заметная часть бошняков поверила, что сербы якобы в своем большинстве поддерживают их истребление и радуются преступлениям, совершенным над ними. Такой взгляд можно видеть в этой статье (см.: Muftić 2015). Хотя надо сказать, что это совершенно не так: отрицая геноцид, большинство сербов как раз наоборот искренне надеется на то, что их армия никогда не истребляла и не будет истреблять боснийских мусульман (а значит, даже теоретически не может совершить никакой геноцид над ними). Многие сербы, в свою очередь, видя, как боснийцы акцентируют внимание на геноциде, убеждены, что за этим кроется желание оскорбить и опозорить их народ и армию и перевести из статуса невинной жертвы в статус чудовищ-преступников. Так из-за недопонимания, а прежде всего из-за неготовности признать преступление, у народов создаются ложные и крайне негативные стереотипы друг о друге.

Необходимо серьезно и долго бороться и с таким явлением, как отрицание очевидных массовых преступлений, поскольку при повседневном общении представителей разных народов именно это обстоятельство является очень важной причиной ссор и обид. В связи с тем, что самое активное и упорное отрицание преступлений, совершенных представителями своего народа, наблюдается у верующего населения бывшей Югославии, необходима работа и с представителями традиционных религий, чтобы они с религиозной точки зрения обосновали для своих последователей необходимость признать документально доказанные преступления. Тем более, что в истории любого народа на Балканах имеются эпизоды совершения массовых преступлений его войсками в последнее столетие. Поэтому, если люди узнают, что и другие совершали что-то подоб-

ное, им будет не так сложно признать факты массовых убийств, осуществленных представителями своего народа.

В то же время, при рассказах о массовых преступлениях и геноциде противника над каким-либо народом крайне важно упомянуть и положительные примеры, когда политики и военные (или обычные люди) этого самого противника проявляли сочувствие к безоружным людям, а также постоянно подчеркивать, что далеко не весь народ совершал геноцид, а лишь его откровенное меньшинство – как правило, специально организованные мужчины боевого возраста (что справедливо даже для геноцида в НГХ) или созданные для этой цели банды разбойников. Поэтому не совсем правильно утверждать, что «огромное количество» хорватских состоятельных крестьян, судей, учителей и священников приняли участие в геноциде (Бондарев 2017). По нашим очень приблизительным расчетам, учитывая, что некоторые усташи лично убивали десятки и даже сотни людей, среднее количество убитых одним человеком могло быть около 10. Тогда процент убийц от всех хорватских мужчин трудоспособного возраста никак не мог превышать 3–4 %, а значит, речь идет не об «огромном количестве», а о явном меньшинстве. Определенная часть когда-то благонамеренных хорватов действительно потеряла человеческий облик, но далеко не такая значительная, как может показаться на первый взгляд. Поэтому, при рассказе об ужасах усташского геноцида необходимо подчеркивать, что в нем участвовало лишь несколько процентов хорватских мужчин боевого возраста (включая сознательно набравшиеся властями криминальные элементы), что очень многие хорватские военные добровольно пошли в армию партизан (то есть были смертельными врагами усташей), а также нужно рассказать о весьма серьезных усилиях врачей из хорватского санитета по предотвращению любых военных преступлений в 1991 г. Если рассказывать лишь об одних преступлениях того или иного народа (тем более таких страшных, как преступления усташей), то у читателей и слушателей может появиться слишком сильная негативная эмоциональная реакция, что в свою очередь приводит к созданию в их сознании крайне негативного образ целого народа как «преступного» или «геноцидного», а это способно привести к новым конфликтам и даже убийствам из мести.

Все эти задачи могла бы в какой-то мере помочь решить популяризация среди населения такой науки, как демография (занимающаяся, в том числе, изучением военных потерь, а также динамикой доли той или иной национальности в населении), – например, введение курса по демографии в старших классах школы и/или в вузах для студентов гуманитарных специальностей, либо добавление раздела по исторической демографии в учебники истории. Такого рода курс и знания, полученные в ходе него, могли бы не только развеять миф о врожденной жестокости соседних народов и полной невинности своего народа, но и помочь и улучшить крайне тяжелую демографическую обстановку в регионе.

Несмотря на крайне тяжелую историю бывшей Югославии последних десятилетий, если их общества учтут собственные положительные примеры, то у стран региона будут хорошие шансы пережить XXI век без геноцида гражданского населения.

Библиография

- Антић Д. 2016.** *Политичке прилике и српски народ у Вардарској Македонији (1903–1912)*: докторска дисертација. Ниш.
- Бајагић Д. Р., Стојановић А. 2014.** Југословенске кризе (1918–1941) и Други светски рат на простору Србије у новијој српској историографији. *Срби и рат у Југославији 1941. године: тематски зборник радова* / Отв. ред. Д. Алексић. Београд: Институт за новију историју Србије.
- Бељак С. С. 2009.** *Усташи: между фашизмом и етническим национализмом*. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т.
- Биљарски Ц. В. 2012.** Академик Димитър Мишев – един живот, посветен на истината и на България. *Сите българи заедно* 10.03. URL: https://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=387:2012-03-10-08-05-46&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61.
- Благојевић Н. 2017.** Закржљале расе. *Српски став* 15.10. URL: <https://srpskistav.com/autorski-tekstovi/zakrzljale-rase/>.
- Бојанић М. 2018.** Број настрадалих цивила у Савезничком бомбардовању Србије 1943.-1944. године: доступни подаци, процене и анализа. *Јухорски запис* / Ред. И. Тодоровић, Г. Јашовић, И. Бецић, Љ. Васиљевић. Крушевац: Историјски архив Крушевац. С. 139–150.

- Бондарев Н. В. 2017.** «Хуже только красные кхмеры...» (часть 2). Террор и геноцид в Независимом государстве Хорватия (1941–1945 гг.). *Столетие* 05.09. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/khuzhe_tolko_krasnyje_kkhmery_chast_2_782.htm.
- Буквич Р. 2014.** Региональная проблема социалистической Югославии в 1945–1991 гг. *Вестник Мордовского университета* 3: 129–146.
- Видовдан. 2018а.** Ненад Антонијевић: Страдање Срба на Косову је црна рупа наше историографије. *Видовдан* 16.04. URL: <https://vidovdan.org/istorija/nenad-antonijevic-stradanje-srba-na-kosovu-je-crna-rupa-nase-istoriografije/>.
- Видовдан. 2018б.** Како је народ Македоније поштовао владика Николаја. *Видовдан* 21.08. URL: <https://vidovdan.org/tradicija/kako-je-narod-makedonije-postovao-vladiku-nikolaja/>.
- Вишневский А. Г. 2005.** *Избранные демографические труды*. В 2 тт. Т. 1. М.: Наука.
- Врућинић Д. 2007.** *Демографски губици Србије проузроковани ратовима у XX веку*. Београд.
- Вуковић С. 2005.** Стратегија лажног мира у кући (Економски односи између региона у Краљевини Југославији). *Социолошки преглед* 39(4): 461–496.
- Вълков М. 2016.** „Заповед за унищожението на известни категории интелегентни лица“ от 1915 г. *Либерален преглед* 01.06. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/bulgaria/2994-1915>.
- Глас Српске. 2018.** Хрвати били присиљени да се уједине. *Глас Српске* 28.11. URL: <https://www.glassrpske.com/cir/plus/istorija/hrvati-bili-prisiljeni-da-se-ujedine/274163>.
- Глишић В. 2011.** Владан Глишић: О инфериорности или како размишљати о српским злочинима. *Јадовно 1941* 6.06. URL: <https://jadovno.com/vladan-glishic-o-inferiornosti-ili-kako-razmisljati-o-srpskim-zlocinima/>.
- Гойкович Р. 2015.** Сербский опыт как наглядное пособие для русских социологов. *Русская народная линия* 30.10. URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/11/31/serbskij_opyt_kak_naglyadnoe_posobie_dlya_russkih_sociologov.
- Гойкович Р. 2018.** Россия, Сербия, Болгария, Македония – уроки истории (3). *Русская народная линия* 02.07. URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/07/03/rossiya_serbiya_bolgariya_makedoniya_uroki_istorii_3/.

- Гојковић Р. 2018.** Ранко Гојковић: Божићна радост и туга. *Саборник србско-руски* 07.01. URL: <http://sabornik.rs/index.php/autorski-pogledi/981-ranko-gojkovic-bozicna-radost-i-tuga>.
- Гоцев Д. 1998.** *Новата национално-освободителна борба във Вардарска Македонија 1944-1991 г.* Софија: Македонски научен институт.
- Гочев Ј. 2011.** Србският слуга и нџојски фалшификатор Рудолф Арчибалд Райс. *Сите българи заедно* 29.11. URL: https://www.sitebulgarizaidno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=355:2011-11-29-20-21-04&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61.
- Гришина Р. П. 2008.** *Лиќи модернизации в Болгарији (бег трусцој по пересеченој местности).* М.: Институт славяноведения РАН.
- Гуманитарные технологии. 2019.** Рейтинг стран мира по уровню преднамеренных убийств. *Гуманитарные технологии.* URL: <https://gtmarket.ru/ratings/homicide-rate/info>.
- Димитријевић В. 2013.** Владимир Димитријевић: Писмо браћи из Македоније. *Борба за веру* 05.01. URL: <http://borbazaveru.info/content/view/5376/52/>.
- Букановић В. 2016.** Летујте у НДХ, сунчајте се поред стотина хиљада костура мучки страдалих Срба! *Intermagazin* 05.08. URL: <http://www.intermagazin.rs/letujte-u-ndh-suncajte-se-pored-stotina-hiljada-kostura-mucki-stradalih-srba/?lang=cir>.
- Ђурић Мишина В. 2019.** Вељко Ђурић Мишина: Одговор критичарима Музеја жртва геноцида. *Нови Стандард* 25.11. URL: <https://www.standard.rs/2019/11/25/veljko-djuric-misina-odgovor-kriticarima-muzeja-zrtva-genocida/>.
- Ђурковић М. 2018.** Ђурковић: Против нас се води идентитетски рат, ако га изгубимо – наша деца биће нови јањичари. *Факти* 02.06. URL: <https://www.fakti.rs/srpski-duh/djurkovic-protiv-nas-se-vodi-identitetski-rat-ako-ga-izgubimo-nasa-deca-bice-novi>.
- Иванов А. 2019.** Наказанието е възмездие, не «разправа». *Дума* 30.09. URL: <https://duma.bg/nakazanieto-e-vazmezdie-ne-razprava-n200486>.
- Илић Н. 1976.** *Крвави фебруар (13–18. фебруар 1942).* Лесковац: Библиотека Народног музеја у Лесковцу.
- Искендеров П. А. 2012.** Албанские лиќи Гаагского трибунала. *Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность* / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. С. 113–124.
- Искра. 2016.** Шешел: Смисао постојања Хрвата је антисрпска мржња. *Искра* 01.07. URL: <https://iskra.co/srbija/seselj-smisao-postojanja-hrvata-je-antisrpska-mrznja/>.

- Каменов К. 2019.** Голямата екскурзия – времето на загубените поколения (непоказвани снимки). *Dir.bg* 29.05. URL: <https://dnes.dir.bg/obshtestvo/golyamata-ekskurziya-vremeto-na-zagubenite-pokoleniya-nepokazvani-snimki>.
- Коларов Г. 2015.** Республика Македония: болгарское прошлое и неясное будущее. *Рабкор* 29.04. URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/04/29/macedonia/>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Костић Ј. 1974.** *Хрватска зверства у Другом светском рату према извештајима њихових савезника.* Чикаго: Издање Српске народне одбране у Америци и Српске народне одбране у Канади.
- Леонидов Р. 2015.** «Окупаторите» на Вардарска Македонија влагат милијарди левове во нејното стопанство. *Животът днес* 11.05. URL: <http://www.jivotatdnes.bg/nachalo/news/ikonomika/okupatorite-na-vardarska-makedonija-vlagat-miliardi-levove-v-neynoto-stopanstvo>.
- Миладиновић И. 2018.** Елитне хрватске јединице вешале децу и жене по Мачви и Јадру. *Вечерње новости* 27.05. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/reporтажe.409.html:729590-Elitne-hrvatske-jedinice-vesale-decu-i-zene-po-Macvi-i-Jadru>.
- Милићевић Н. 2016.** *Српско грађанство у окупираној Србији 1941–44: докторска дисертација.* Београд.
- Назаретјан А. П. 2007.** *Антропологија насиља и култура самоорганизацији: Очерки по еволуционнo-историческој психологији.* М.: ЛКИ/URSS.
- Пивоваренко А. А. 2015.** *Хорватия: история, политика, идеологија. Конец XX – начало XXI века.* М.: Институт славяноведения РАН; Спб.: Нестор-История.
- Правда. 2016.** «Република Српска је највећа победа српског народа у новој историји». *Правда* 12.01. URL: <http://www.pravda.rs/2016/1/12/republika-srpska-je-najvesca-pobeda-srpskog-naroda-u-novijoj-istoriji/>.

- Радио России. 2019.** Бомбардировки Югославии 1999-го: первая агрессия Запада в послевоенной Европе. *Радио России* 25.03. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/63253/episode/2153210>.
- Радовановић М. Р. 2015.** *Исељавање Јевреја из Југославије у Израел (1948–1952)*: докторска дисертација. Београд.
- РТС=Радио Телевизија Србије. 2013.** Орић убио хиљаду Бошњака! *РТС* 19.02. URL: <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/region/1269872/oric-ubio-hiljadu-bosnjaka.html>.
- Рудаков В. 2014.** Из жизни блокадников. *Профиль* 27: 16–17.
- Самарцић М. 2013.** Злочини над Муслиманима и Хрватима. *Погледи* 23.03. URL: <https://www.pogledi.rs/zlocini-nad-muslimani-i-hrvatima/>.
- Сквозников А. Н. 2010.** *Македонија в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах*. Самара: Самарская гуманитарная академия.
- Станоевич Д. 2012.** Оценка эффективности и объективности МТБЮ. *Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность* / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. С. 47–52.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация*. Книга 1. М.: АСТ; Спб.: Terra Fantastica.
- Третьякова М. Ч. 2017.** *Военно-политический кризис в Республике Македонији в 2001 г.* Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.
- Трикић Т.** Ко ће укључити аларм: Србе бришу по балтичком рецепту (видео). *Sputnik Србија* 13.08. URL: <https://rs.sputniknews.com/intervju/201808131116860165-Srbi-prava-region/>.
- Туровић Д. Ж. 2016.** Јабланички срез за време бугарске окупације (1915–1918) у Великом рату. *Лесковачки зборник* 56: 69-90.
- Филимонова А. И. 2011.** «В этой истории много подозрительного». *Взгляд* 20.07. URL: <https://vz.ru/politics/2011/7/20/508672.html>.
- Ходунов А. С. 2016.** Демографическая динамика Сербии, Черногории и Республики Сербской в конце XX – начале XXI в. Есть ли возможность остановить катастрофу? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном и региональном контексте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 326–403.
- Ходунов А. С. 2017.** Межнациональные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 258–340.

- Цветковић С. 2016.** Репресија комунистичког режима у Србији на крају Другог светског рата са освртом на европско искуство. *1945. Крај или почетак?* / Гл. ред. З. Јањетовић. Београд: Институт за новију историју Србије, Музеј жртава геноцида. С. 45–89.
- Църнушанов К. 1991.** Србизирани на македонски казионен „литературен език“ (Част втора). *Македонски преглед* 14(2): 21–44.
- Църнушанов К. 1992.** *Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него*. София: Унив. изд. «Св. Климент Охридски».
- Шарый А. В. 2003.** *Трибунал. Хроника неоконченной войны*. М.: Права человека.
- Энгельгардт Г. Н. 2015.** *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.
- Янкович И., Ристич Б. 2005.** Когда «провинция» успокоится: проблема вины на развалинах сербского третьего пути. *Сербия о себе* / Ред. О. Эдельман. М.: Европа. С. 283–308.
- Aleksić B. 2014.** SAD su neprijatelj Srbije. *Akademedia Srbija* 07.08. URL: http://www.akademiasrbija.com/index.php?option=com_content&view=article&id=8186:srbi-pamet-u-glavu-sad-su-neprijatelj-srbije-&catid=42:x-files&Itemid=61.
- Aličković N. 2015.** Aličković Nihad: Moja priča na današnji dan 1993. godine. *Antidayton pokret* 23.12. URL: <https://antidayton.com/alickovic-nihad-moja-prica-na-danasnji-dan-1993-godine/>.
- B92. 2007.** Šta je Tuđman rekao pred Oluju. *B92* 25.04. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2007&mm=04&dd=25&nav_category=64&nav_id=243632.
- B92. 2015.** Ko je saradivao s okupatorom? *B92* 14.05. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2015&mm=05&dd=14&nav_category=12&nav_id=992001.
- Bajruši R. 2004.** Trgovinu između Tuđmana i Miloševića spriječila je plitka Neretva. *Nacional* 428. URL: <http://arhiva.nacional.hr/clanak/10862/trgovinu-izmedu-tudmana-i-milosevica-sprijecila-je-plitka-neretva>.
- Baltic N. 2007.** Theory and Practice of Human and Minority Rights under the Yugoslav Communist System. *EURAC research*. URL: <http://www.eurac.edu/en/research/autonomies/minrig/Documents/Mirico/Report%20on%20the%20Theory%20and%20Practice%20of%20Human%20Rights%20and%20Minority%20Rights%20under%20the%20Yugoslav%20Communist%20System%20WEB.pdf>.

- Bellamy A. J. 2000.** Human Wrongs in Kosovo: 1974–99. *The International Journal of Human Rights* 4(3–4): 105–126.
- Bošnjaci. 2015.** IGK zahtijeva primjenu presude ICJ protiv entiteta Republike Srpske za genocid! *Bošnjaci* 08.01. URL: <http://bosnjaci.agency/igk-zahtijeva-primjenu-presude-icj-protiv-entiteta-republike-srpske-za-genocid/>.
- Caranović B. 2018.** Godišnjica četničkog zločina u Vraniću: Krvnici ni decu nisu poštedeli. *Вечерње новости* 20.12. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/reportaze/aktuelno.293.html:767259-GODISNJICA-CETNICK-OG-ZLOCINA-U-VRANICU-Krvnici-ni-decu-nisu-postedeli>.
- Carnegie Endowment for International Peace. 1914.** Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington: Carnegie Endowment.
- Cohn M. 2002.** Nato Bombing of Kosovo: Humanitarian Intervention or Crime against Humanity? *International Journal for the Semiotics of Law* 15(1): 79–106.
- Čabaravdić S. 2008.** Miro Lazović: Utopisti i buhe. *Radio Slobodna Evropa* 27.02. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1045348.html>.
- Dalmacija danas. 2019.** Prije 24 godine počela je ‘Oluja’: U 84 sata oslobođeno je 10 tisuća četvornih kilometara okupiranog područja. *Dalmacija danas* 04.08. URL: <https://www.dalmacijadanas.hr/prije-24-godine-pocela-je-oluja-u-84-sata-oslobodeno-je-10-tisuca-cetvornih-kilo-metara-okupiranog-podrucja>.
- Detektor. 2013.** Mladić: Projektili ispaljivani u bolnicu. *Detektor* 14.02. URL: <http://detektor.ba/mladic-projektili-ispaljivani-u-bolnicu/>.
- Dijalog. 2018.** Mirsad Tokača za BNN: o ratu protiv BIH, ljudskim gubicima i demografskoj katastrofi... *Dijalog* 03.01. URL: <https://dijalog.info/2018/mirsad-tokaca-za-bnn-o-ratu-protiv-bih-ljudskim-gubicima-i-demografskoj-katastrofi/>.
- Divjak J. 2011.** Bosanskohercegovačko ratište u 1993. – opšti pregled. 1993. – *prelomna godina rata za odbranu Bosne i Hercegovine* / Red. A. Džanić. Sarajevo: Udruženje za zaštitu tekovina borbe za Bosnu i Hercegovinu. S. 17–28.
- Dnevnik.hr. 2010.** 'Povijest će i nakon presude pisati da je Oluja bila legitimna akcija'. *Dnevnik.hr* 29.08. URL: <https://dnevnik.hr/vijesti/hrvatska/povijest-ce-i-nakon-presude-pisati-da-je-oluja-legitimna-akcija.html>.
- Filipović M. 2008.** Odgovornost Međunarodne zajednice i posebno Velike Britanije i Francuske za rat u Bosni i Hercegovini. *Duh Bosne* 3(2). URL: <http://www.spiritofbosnia.org/bs/volume-3-no-2-2008-april/reflections-on->

- the-responsibilities-of-the-international-community-for-the-war-in-bosnia-and-herzegovina/.
- Filipović M. 2018.** Muhamed Filipović: Srbi uvijek na nama naplaćuju sve svoje nevolje. *Saff* 01.09. URL: <http://saff.ba/muhamed-filipovic-srbi-uvijek-na-nama-naplacuju-sve-svoje-nevolje/>.
- Gallup News. 2017.** Many in Balkans Still See More Harm From Yugoslavia Breakup. *Gallup News* 18.05. URL: <http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx>.
- Gaščić D. 2018.** 'Hrvati i Srbi mrze se zato što su slični. Mržnja odgovara eliti'. *24 sata* 28.11. URL: <https://www.24sata.hr/news/hrvati-i-srbi-mrze-se-zato-sto-su-slicni-mrznja-odgovara-eliti-602256>.
- Pročitajte više na:** <https://www.24sata.hr/news/hrvati-i-srbi-mrze-se-zato-sto-su-slicni-mrznja-odgovara-eliti-602256-24sata.hr>.
- Geiger V. 2011.** Ljudski gubici Hrvatske u Drugom svjetskom ratu koje su prouzročili “okupatori i njihovi pomagači”. Brojidbeni pokazatelji (procjene, izračuni, popisi). *Časopis za suvremenu povijest* 43(3): 699–749.
- Granić M. 2019.** Galbraith mi je kazao: SAD je pogriješio zaustavljajući Hrvatsku vojsku. *Večernji list* 21.10. URL: <https://www.vecernji.hr/premium/galbraith-mi-je-kazao-sad-je-pogrijesio-zaustavljajuci-hrvatsku-vojsku-1353642>.
- Hebrang A. 2013.** *Zločini nad civilima u srpsko-crnogorskoj agresiji na Republiku Hrvatsku*. Zagreb: Udruga hrvatskih liječnika-dragovoljaca 1990–1991.; Zadar: Ogranak Matice hrvatske u Zadru.
- Hebrang A. 2016.** Elanom i skalpelima spašavali smo živote. *Večernji list* 03.05. URL: <https://www.vecernji.hr/premium/elanom-i-scalpelima-spasavali-smo-zivote-1081160>.
- Hrvatski vojnik. 2017.** Žuta podmornica – simbol obrane grada Osijeka. *Hrvatski vojnik* 520. URL: <https://hrvatski-vojnik.hr/zuta-podmornica-simbol-obrane-grada-osijeka/>.
- Intermagazin. 2013.** Hrvatski nacionalisti uspjeli su dva puta u 20. veku da okrenu bosanske muslimane protiv Srba. *Intermagazin* 14.09. URL: <http://www.intermagazin.rs/hrvatski-nacionalisti-uspeli-su-dva-puta-u-20-veku-da-okrenu-bosanske-muslimane-protiv-srba/>.
- Intermagazin. 2018.** Završni pritisak: Amerika juriša na pravoslavne zemlje! *Intermagazin* 5.12. URL: <https://www.intermagazin.rs/završni-pritisak-amerika-jurisa-na-pravoslavne-zemlje-evo-sta-se-desava/>.
- Ivošević Z. 2017.** Na pola puta ka priznanju Kosova. *Danas* 02.08. URL: <https://www.danas.rs/dijalog/licni-stavovi/na-pola-puta-ka-priznanju-kosova/>.

- Jukić M. 2018.** Da se ne zaboravi: 18. kolovoza 1991. otet dr. Ivan Šreter. *Portal Hrvatskoga kulturnog vijeća* 18.08. URL: <https://www.hkv.hr/domovini/domovinski-rat/30057-da-se-ne-zaboravi-18-kolovoza-1991-otet-dr-ivan-sreter.html>.
- Karabeg O. 2013.** Da li je Haški tribunal izgubio kredibilitet? *Radio Slobodna Evropa* 24.03. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/most-da-li-je-haski-tribunal-izgubio-kredibilitet/24937082.html>.
- Karabeg O. 2018.** Latinka Perović, Ivo Banac, Dubravko Lovrenović: O raspadu Jugoslavije. *Radio Slobodna Evropa* 27.02. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1045353.html>.
- Karavelić V. 2008.** Vojni značaj odbrane Sarajeva 1992-1995. *Opsada i odbrana Sarajeva 1992-1995* / Gl. red. H. Bećirović. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu. S. 85–96.
- Klasić H. 2018.** Tito, zločinac ili veliki državnik? CIA bi se na brutalnost Udbe samo nasmijavala, a naši političari bi od Tita morali naučiti jednu stvar. *Net.hr* 29.05. URL: <https://net.hr/danas/hrvatska/tito-zlocinac-ili-veliki-drzavnik-cia-bi-se-na-brutalnost-udbe-samo-nasmijala-a-nasi-politricari-bi-od-tita-morali-nauciti-jednu-stvar/>.
- Kopač N. 2017.** Povijest nije nauka, ona je ideologija. *P-portal*. URL: <https://p-portal.net/povijest-nije-nauka-ona-je-ideologija/>.
- Kovač D. 2015.** Daytonski sporazum, ki je pred dvajsetimi leti ustavil vojno v Bosni, a državi nakopal kopico nerešljivih težav. *Dnevnik* 14.12. URL: <https://www.dnevnik.si/1042726585>.
- Kovačević M. 2010.** Izlaganje Mate Kovačevića s predstavljanja knjige admirala Davora Domazeta Loše. *Portal Hrvatskoga kulturnog vijeća* 15.10. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/vai-prilozi/i-lj/kova-mate/6971-izlaganje-mate-kovaevia-s-predstavljanja-knjige-admirala-davora-domazeta-loe.html>.
- Livada S. 2013.** *Stradanja i nadanja*. Sombor: Garden print.
- Lujanović G. 2018.** Ante Nazor za Dnevnik.ba: Haški sud presudio sam sebi. *Dnevnik.ba* 30.11. URL: <https://www.dnevnik.ba teme/ante-nazor-za-dnevnikba-haski-sud-presudio-sam-sebi>.
- Lupiga. 2017.** Dokumentarni film BBC-a: Rat u Mostaru. *Lupiga* 29.11. URL: <https://www.lupiga.com/vijesti/dokumentarni-film-bbc-a-rat-u-mostaru>.
- Marković J. 2018.** Poslanik revoltiran. Đukanović: Za Hrvatsku mogu da navijaju samo id****, Novače, kako te nije sramota? *Alo online* 18.07. URL: <https://www.alo.rs/vesti/politika/dukanovic-novace-kako-te-nije-sramota/174401/vest>.

- Marković T. 2019.** Suočavanje sa zločinačkom prošlošću kao nemoguća misija. *Al Jazeera Balkans* 11.02. URL: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/suocavanje-sa-zlocinackom-prosloscu-kao-nemoguca-misija>.
- Mazzocco V. 2011.** Granić: Tuđman mi je 1998. dao podršku za plan povratka Srba. *Večernji list* 24.05. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/granic-tudman-mi-je-1998-dao-podrsku-za-plan-povratka-srba-279061>.
- McDonald D. B. 2002.** *Balkan Holocaust? Serbian and Croatian Victim-centred Propaganda and the War in Yugoslavia*. Manchester: Manchester University Press.
- Mihajlović B. 2014.** Drago Pilsel: Od ustaše do antifašiste. *Radio Slobodna Evropa* 03.02. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/intervju-drago-pilsel-od-ustase-do-antifasiste/25249275.html>.
- Milanović M. 2015.** Šta je pogrešno u presudi Gotovini? *Peščanik* 05.08. URL: <https://pescanik.net/sta-je-pogresno-u-presudi-gotovini/>.
- Milosavljević O. 2002.** *U tradiciji nacionalizma ili stereotipi srpskih intelektualaca XX veka o „nama“ i „drugima“*. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji.
- Muftić E. 2015.** Srebrenice, vratili smo se. *Bošnjaci.net* 07.07. URL: http://www.bosnjaci.net/prilog.php?pid=56206&SREBRENICE,_VRATILI_SMO_SE.
- N1 Hrvatska 2016.** “Karadžić i Šešelj samo su sporedne figure u agresiji na RH“. *N1 Hrvatska* 21.03. URL: <http://hr.n1info.com/Vijesti/a111901/Andrija-Hebrang-Karadzic-i-Seselj-samo-su-sporodne-figure-u-agresiji-na-RH.html>.
- Nakić M. 2019.** Liberali – priča o Crnoj Gori kakva je mogla biti. *Liberal* 31.10. URL: <https://www.liberal.hr/lscg-liberali-crne-gore-slavko-perovic-crna-gora-273>.
- Nazor A. 2011.** *Velikosrpska agresija na Hrvatsku 1990-ih*. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata.
- Paris E. 1961.** *Genocide in Satellite Croatia, 1941-1945: A Record of Racial and Religious Persecutions and Massacres*. Chicago: American Institute of Balkan Affairs.
- Pavić S. 2006.** Tuđman nije shvaćao da će riječ Amerike biti zadnja. *Jutarnji List* 16.09. URL: <https://www.jutarnji.hr/arhiva/tudman-nije-shvacao-da-ce-rijec-amerike-bit-zadnja/3223346/>.
- Pilsel D. 2018.** Hebrang je izazvao prijetnje zbog kojih sam se javio policiji. *Autograf.hr* 20.08. URL: <https://www.autograf.hr/hebrang-je-izazvao-prijetnje-zbog-kojih-sam-se-javio-policiji/>.

- Poulton H. 1995.** *Who are the Macedonians?* Bloomington: Indiana University Press.
- Pozzi H. 1994 [1935].** *Black Hand over Europe.* Zagreb: Croatian Information Centre.
- Pravda.ru. 2014.** Почему Крым – не Косово? *Pravda.ru* 28.03. URL: <https://www.pravda.ru/video/politics/14197.html>.
- Puhalo S. 2017.** Zašto se manipuliše srpskim žrtvama u regionu Srebrenice? *Vijesti.ba* 15.10. URL: <https://vijesti.ba/clanak/378521/zasto-se-manipulise-srpskim-zrtvama-u-regionu-srebrenice>.
- Radanović M. 2015.** *Kazna i zločin: snage kolaboracije u Srbiji: odgovornost za ratne zločine (1941–1944) i vojni gubici (1944–1945).* Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, Regionalna kancelarija za jugoistočnu Evropu.
- Radio Sarajevo. 2019.** Sramotno: Član Vučićevovog SNS-a veličao Ratka Mladića i genocid u Srebrenici. *Radio Sarajevo* 10.07. URL: <https://www.radiosarajevo.ba/vijesti/regija/sramotno-clan-predsjednistva-vucice-vovog-sns-a-velicao-ratka-mladica-i-genocid-u-srebrenici/343708>.
- Radio Slobodna Evropa. 2015.** Sarajevski rulet. *Radio Slobodna Evropa* 11.12. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/sarajevski-rulet/27421675.html>.
- Radisavljević Z. 2012.** U Hagu je svako nevin dok se ne dokaže da je Srbin. *Politika* 25.11. URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/241095/U-Hagu-je-svako-nevin-dok-se-ne-dokaze-da-je-Srbin>.
- Radivojević B., Penev G. 2014.** Demographic Losses in Serbia in the First World War and their Long-Term Consequences. *Economic Annals* 59(203): 29–54.
- Ramet S. 2007.** The Denial Syndrome and its Consequences: Serbian Political Culture since 2000. *Communist and Post-Communist Studies* 40: 41–58.
- Reicher S., Cassidy C., Wolpert I., Hopkins N., Levine M. 2006.** Saving Bulgaria's Jews: an analysis of social identity and the mobilisation of social solidarity. *European Journal of Social Psychology* 36: 49–72.
- Sandache C. 2016.** The Clash of Nationalisms: Croats and Serbs in Interwar Yugoslavia. *Acta Universitatis Danubius. Relationes Internationales* 9(2): 60–68.
- Savezni zavod za statistiku. 1954.** *Konačni rezultati popisa stanovništva od 15 marta 1948 godine. Knjiga IX. Stanovništvo po narodnosti.* Beograd: Savezni zavod za statistiku.
- Senica.ru. 2012.** Патриарх Павел: Милошевич - не христианин. *Senica.ru* 07.11. URL: <http://www.senica.ru/serbia/facts/history/patriarkh-pavel-miloshevich-ne-khristianin>.

- Sense Centar za tranzicijsku pravdu. 2017.** MKSJ: Slučaj Kosovo 1998-1999. Istraga, rekonstrukcija i procesuiranje kosovskih zločina. *Sense Centar za tranzicijsku pravdu*. URL: <https://kosovo.sense-agency.com/sr>.
- Skoko B. 2011.** *Što Hrvati, Bošnjaci i Srbi misle jedni o drugima, a što o Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung.
- Smajkić A. 2008.** Stradanja stanovništva grada Sarajeva u periodu 1992–1995. godine. *Opsada i odbrana Sarajeva 1992–1995* / Gl. red. H. Bećirović. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu. S. 85–96.
- Sokolija M. 2017.** Karavelić za Stav: Cacino tijelo porodici je predano pod prijetnjom smrću. *Stav* 09.10. URL: <https://stav.ba/karavelic-za-stav-cacino-tijelo-porodici-je-predano-pod-prijetnjom-smrcu/>.
- Spiegel P. B., Salama P. 2000.** War and mortality in Kosovo, 1998–99: an epidemiological testimony. *The Lancet* 355(9222): 2204–2209.
- Srpskainfo. 2019.** Haška pravda. Srbima više od 900 godina zatvora, Bošnjacima i Hrvatima zajedno trostruko manje. *Srpskainfo* 24.03. URL: <https://srpskainfo.com/haska-pravda-srbima-vise-od-900-godina-zatvora-bosnjacima-i-hrvatima-zajedno-trostruko-manje/>.
- Stjepanović N. 2016.** Nova šansa za pravdu. *Peščanik* 03.07. URL: <https://pescanik.net/nova-sansa-za-pravdu/>.
- Stojanović D. 2009.** U spirali zločina: balkanski ratovi. *Peščanik* 07.05. URL: <https://pescanik.net/u-spirali-zlocina-balkanski-ratovi/>.
- Štrbac S. 2014.** Srpske žrtve rata i poraća na području Hrvatske i bivše RSK 1990. – 1998. godine. *Dokumentaciono informacijski centar Veritas* 20.02. URL: <http://www.veritas.org.rs/srpske-zrtve-rata-i-poraca-na-podrucju-hrvatske-i-bivse-rsk-1990-1998-godine/#fn-9071-6>.
- Telegraf. 2018.** Najkrvaviji nacistički zločin: Decu vam nećemo oprostiti! Dan kada je umrla mučeničkom smrću, četa đaka u jednom danu. *Telegraf* 21.10. URL: <https://www.telegraf.rs/vesti/srbija/1274456-najkrvaviji-nacisticki-zlocin-dan-kada-je-umrla-mucenickom-smrcu-ceta-djaka-u-jednom-danu-foto-video>.
- Telegraf. 2019.** Srbi su u Hagu osuđeni na više od milenijuma, a svi ostali ukupno, za svoje zločine, 3 puta manje. *Telegraf* 22.03. URL: <https://www.telegraf.rs/vesti/politika/3044287-srbi-su-u-hagu-osudjeni-na-vise-od-milenijuma-a-svi-ostali-ukupno-za-svoje-zlocine-3-puta-manje>.
- Vickers M. 2001.** *The Albanians: A Modern History*. London: I.B.Tauris.
- Višnjić D. 2018.** Martić naredio: Srbi moraju otići iz Krajine. *Express* 05.08. URL: <https://www.express.hr/top-news/martic-naredio-srbi-moraju-otici-iz-krajine-17005>.

- Vukelić M. 2016.** Gitara vs tenk. Mit i dometi antiratnih pesama devedesetih. Blic 27.03. URL: <https://www.blic.rs/vesti/drustvo/gitara-vs-tenk-mit-i-dometi-antiratnih-pesama-devedesetih/8ggw1cq>.
- YouTube. 2016.** Muhamed Filipovic porucuje Zlatku Hasanbegovicu-NDH je bila zlocinacka tvorevina! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q0cFqGn8VIQ>.
- YouTube. 2018b.** Zabranjeni forum: Mi nakon Haga 11.01.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Yd6HU7bxO08>.
- YouTube. 2019.** Novo Jutro – Irina I Zika – Aleksandar Cotric, Nebojsa Damnjanovic – 19.02.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rNx6-h3w464>.
- Zwierzchowski J., Tabeau E. 2010.** *The 1992-95 war in Bosnia and Hercegovina: census-based multiple system estimation of casualties' undercount.* Berlin.